PROCESSED
APR 25 2007
GTU LIBRARY

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу „Православная Русь".

6

ІЮНЬ 1959 JUNE

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Second-class postage paid at Jordanville, New York.

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE
THEOLOGICAL UNION

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово въ праздникъ мучениковъ въ Пекинѣ. Приснопамятнаго архіепископа Симона. 3
Религіозно-нравственное воспитаніе молодежи. Протопресвитеръ В. Бощановскій. 4
Братья (разсказъ). Петръ Святкинъ. 16

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Божья гроза цвѣтущею весною. М. В. 22

ИМѢЕТСЯ НА СКЛАДѢ:

Руководство къ изученію Священнаго Писанія Новаго Завѣта.

ЧАСТЬ II.

АПОСТОЛЪ.

Составилъ Ректоръ Св.-Троицкой Д. Семинаріи Епископъ Аверкій. «Руководство» представляетъ собою конспективно изложенный курсъ по предмету Священнаго Писанія Новаго Завѣта, какъ онъ преподавался въ Свято-Троицкой Семинаріи въ Джорданвиллѣ. Пособіе это поучительно и важно для всѣхъ читающихъ и изучающихъ Священное Писаніе Новаго Завѣта, такъ какъ оно даетъ ключъ для правильнаго его пониманія и истолкованія, согласно съ ученіемъ Св. Православной Церкви. 454 стр. Цѣна $ 4.-

---

Въ мірѣ молитвы,

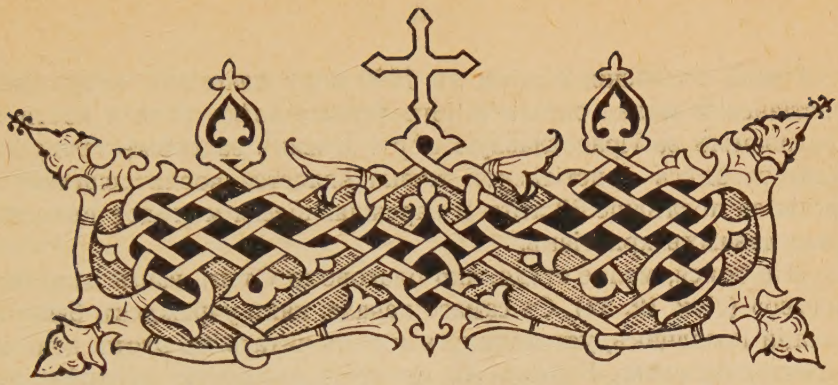
КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О ПРАВОСЛАВНОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ.

Составилъ прот. Михаилъ Помазанскій. Въ качествѣ приложенія къ книгѣ присоединенъ **Объяснительный словарь церковно-славянскихъ словъ**, А. Н. Соловьева.

Въ книгѣ 150 стр. Цѣна $ 1-.

ОТКРОВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ СТРАННИКА ДУХОВНОМУ СВОЕМУ ОТЦУ.

I-я и II-я части вмѣстѣ 293 стр.. Третье изданіе. Парижъ. Цѣна $ 2, 25.



Слово въ праздникъ мучениковъ въ Пекинѣ.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

11/24 іюня 1931 г.

Вчера мы совершали заупокойную службу на мѣстѣ, гдѣ покоятся останки мученически пострадавшихъ за вѣрность своему христіанскому званію,а нынѣ мы совершаемъ праздникъ въ память ихъ подвига, торжественно обходя мѣсто ихъ упокоенія.

Въ тѣ дни, когда наши христіане окружены были здѣсь ужасами разрушенія и смерти, когда горѣлъ ихъ святой храмъ и ихъ жилища, когда угроза мученической смерти была неотвратима, казалось имъ, что всему пришелъ конецъ, и они покорно предавались волѣ Божіей.

Но ужасъ разрушенія и смерти миновалъ и на развалинахъ, на мѣстѣ, гдѣ повержены были тѣла мучениковъ, снова началась жизнь, и за послѣдніе тридцать лѣтъ тутъ возросло во сто кратъ больше того, что прежде было. Свидѣтелями этой новой жизни были мы, вновь пришедшіе сюда, и тѣ немногіе, которые остались въ живыхъ послѣ ужасовъ 1900 года. Для тѣхъ же, которые скончались въ подвигѣ мученическомъ, эта новая жизнь осталась во мракѣ неизвѣстности, она имъ и на мысль не могла прійти.

Разрушеніе зданій Миссіи и избіеніе христіанъ въ 1900 году было какъ бы внѣшнею гранью, за которой началъ устанавливаться новый строй жизни Миссіи. Нынѣ мы доходимъ до подобной грани. Въ связи съ переворотами въ Россіи и въ Китаѣ наша Миссія поставлена въ новыя уславія — грозящія повидимому совершеннымъ прекращеніемъ ея дѣятельности. И вотъ въ довершеніе всѣхъ бѣдъ и затрудненій тяжелый недугъ постигъ нашего Владыку Митрополита . . . Мы доходимъ, повторяю, до грани. Что ожидаетъ Миссію за этой гранью — мы не знаемъ. Одно съ увѣренностью можемъ сказать, что впереди не смерть, а жизнь: ибо порученное намъ здѣсь дѣло есть строеніе вѣчнаго Царства Божія, и оно будетъ строиться, нашими ли руками, или безъ насъ.

Послѣ разоренія Миссіи въ 1900 году залогомъ возрожденія христіанской жизни остались погребенныя здѣсь тѣла и кости пострадавшихъ за Православную вѣру. А нынѣ залогомъ грядущаго расцвѣта здѣсь христіанской жизни является воспитавшееся при Миссіи за послѣдніе 30 лѣтъ и нараждающееся молодое поколѣніе православныхъ христіанъ.

«Не бойся, малое стадо, яко благоволи Отецъ вашъ дати вамъ царство» (Лук. **12.** 32). Съ самаго начала, какъ учрежденъ былъ настоящій праздникъ, установилось у насъ читать въ этотъ день эти Евангельскія слова. Будемъ же, внимая имъ, бодро смотрѣть впередъ, будемъ искать прежде всего Царства Божія и правды Его — и все потребное для нашей жизни и дѣятельности приложится намъ.

Религіозно-нравственное воспитаніе молодежи.

Вопросъ не новый; вопросъ величайшей важности. Это «вопросъ», предъ которымъ въ недоумѣніи стоитъ современное человѣчество. Понятно! Дѣти, молодежь — радость родителей; надежда государства; украшеніе Церкви; въ потенціи они — будущее всего человѣчества. Воспитаніе дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, вкладывая въ это понятіе то, что выдѣляетъ человѣка изъ ряда всѣхъ твореній Божіихъ и возводитъ его на степень богоподобнаго существа. Воспитаніе это постепенное раскрытіе и совершенствованіе въ молодомъ поколѣніи тѣхъ качествъ, которыя даютъ человѣку возможность осуществлять цѣли, поставленныя ему Богомъ.

Въ воспитаніи учащейся молодежи заинтересованы семья, государство и Церковь. Хорошо воспитанная молодежь, это — не только украшеніе семьи, но и оплотъ силы и крѣпости государства и широкой плодотворной дѣятельности Церкви. Невоспитанная молодежь свидѣтельствуетъ о нравственномъ развалѣ семьи; нравственно больная семья ведетъ къ гибели государство и крайнѣ затрудняетъ плодотворную работу Церкви. Таковъ непреложный голосъ Исторіи.

Чѣмъ вызывается необходимость религіозно-нравственнаго воспитанія учащейся молодежи?

Прежде всего достоинствомъ человѣческой личности. Человѣкъ не червь презрѣнный, назначеніе котораго вѣчно ползать на землѣ и рыться въ навозѣ. Человѣкъ — одно изъ совершеннѣйшихъ твореній Божіихъ, отмѣченный образомъ Божіимъ и предназначенный къ Богоподобію. Одинъ человѣкъ изъ всѣхъ земныхъ существъ обладаетъ сознаніемъ

своей свободы и чувствомъ нравственнаго долга. Человѣкъ не только хочетъ жить, но и понимать смыслъ и конечную цѣль своей жизни. Одинъ человѣкъ не удовлетворяется настоящимъ, его интересуетъ и далекое прошлое — изначальное: откуда все произошло, и Кто — первовиновникъ всего сущаго? Этотъ глубочайшій вопросъ ставитъ только человѣкъ. Только человѣкъ устремляетъ свой духовный взоръ и въ таинственное будущее, ставя роковые вопросы о смыслѣ и конечной цѣли всего бытія. Если вся внѣшняя природа преступно равнодушна къ тому, что есть добро и зло, то человѣкъ въ полномъ смыслѣ есть не только сознательно разумное существо, но и нравственно свободное. Дать отчетливый отвѣтъ на волнующіе человѣческій разумъ запросы и указать вѣрные пути къ осуществленію идеаловъ человѣческаго духа — основная задача религіозно-нравственнаго воспитанія человѣка, въ частности учащейся молодежи.

Нравственно-религіозное воспитаніе требуется и наличіемъ въ человѣческой природѣ грѣха. Грѣхъ не басня, не выдумка жрецовъ церковнаго алтаря; это реальная сила, пытающаяся подчинить себѣ всѣ силы человѣческаго духа (умъ, волю, чувство) и притомъ въ цѣляхъ отведенія человѣка отъ Бога и Его святой и всеспасительной для человѣка воли. О наличіи грѣха въ человѣческой природѣ находимъ классическое свидѣтельство въ словахъ великаго апостола Павла: «Ибо мы знаемъ, пишетъ великій апостолъ язычниковъ, что законъ духовенъ, а я плотянъ, проданъ грѣху. Ибо не понимаю, что дѣлаю; потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ, а потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ... Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Итакъ я нахожу законъ, что когда хочу дѣлать доброе, предлежитъ мнѣ злое. Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ; но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?» (Рим. 7, 14-24;).

Знаетъ о наличіи грѣха и называетъ его «радикальнымъ зломъ» и художественная свѣтская литература — Гоголь, Достоевскій; въ твореніяхъ послѣдняго мы находимъ классически-живые образы служителей, или рабовъ, живущаго въ человѣкѣ грѣха.

Грѣхъ не чуждъ и дѣтской природѣ. Наличіе грѣха въ этой области подтверждается ежедневнымъ наблюденіемъ. Современные отцы и матери больше и чаще всего плачутъ отъ своихъ не всегда милыхъ дѣтокъ. «Я самъ видѣлъ однажды младенца, говоритъ блаженный Августинъ, который не умѣлъ говорить, но уже со злой, ѣдкой миной смотрѣлъ на брата, питавшагося грудью матери.» Эти слова великаго учителя Западной Церкви только лишній разъ подтверждаютъ печальный фактъ зараженности дѣтской природы грѣхомъ. Выкорчевать изъ дѣтской души эти сѣмена грѣха — радикальнаго зла — и направить ея силы въ сторону добра можетъ только серьезное, глубоко

осмысленное, религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей, въ частности, учащейся молодежи.

Религіозно-нравственное воспитаніе учащейся молодежи требуется также и ея соціальнымъ положеніемъ и предназначеніемъ. Молодежь, это — наша смѣна; это — будущіе строители не только лично-семейной, но и соціально-государственной жизни. Въ молодежи потенціально заключается все то, что въ будущемъ можетъ, или потрясти, или укрѣпить — украсить жизнь народа и составляемое имъ государство. Достойно подготовить подрастающее поколѣніе къ этому служенію, требующему не только честной работы, но не рѣдко и жертвеннаго самоотверженія, должно старшее поколѣніе. Выполнить эту задачу безъ серьезнаго религіозно-нравственнаго воспитанія невозможно.

Наконецъ, о необходимости религіозно-нравственнаго воспитанія молодежи говоритъ и то горестное духовное состояніе, въ которомъ пребываетъ современная русская молодежь. Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ изъ себя наши дѣти въ духовно-нравственномъ отношеніи?

Наша учащаяся молодежь въ религіозномъ отношеніи прежде всего крайнѣ безграмотна; сказалъ-бы, положительно невѣжественна. Говорю это не для обиды кого либо, а только устанавливаю печальный фактъ. Она, въ большинствѣ своемъ, не знаетъ самыхъ общеупотребительныхъ молитвъ, не умѣетъ правильно сотворить крестное знамя, не знаетъ, что такое грѣхъ, что можно, чего нельзя допускать, лишена чувства благоговѣнія къ святыни. Только отсутствіемъ послѣдняго и можно объяснить тотъ шумъ, развязность и полный безпорядокъ, съ которымъ дѣти наши входятъ въ храмъ, ведутъ себя въ храмѣ, подходятъ ко кресту, выходятъ изъ храма, возможность улыбки, разговора во время молитвы. И что особенно печально, этими недостатками страдаютъ не только дѣти-подростки, но еще въ большей мѣрѣ взрослые юноши и дѣвицы. Всѣ усилія воспитателей устранить эти недостатки остаются почти безрезультатны.

Второе. Наши дѣти грубы, капризны и своевольны не только въ отношеніи другъ къ другу, но и въ отношеніи къ старшимъ и даже къ своимъ родителямъ. Понаблюдайте, съ какимъ грубымъ упорствомъ 4-5 лѣтній мальчуганъ или дѣвочка требуетъ отъ своей матери удовлетворенія своихъ капризовъ и какое злостное раздраженіе отпечатлѣвается на его молодомъ дѣтскомъ личикѣ при отказѣ. Нерѣдко родители жалуются, что они не могутъ справиться со своими дѣтьми. Вѣрю. Ибо наша жизнь даетъ не малое количество фактовъ, свидѣтельствующихъ, что въ наше время не дѣти учатся у своихъ родителей, а родители подлаживаются подъ настроеніе далеко не милыхъ своихъ дѣтокъ. Я знаю мать, которая со слезами и въ полномъ отчаяніи разсказала мнѣ о своей дочери, 5-ти лѣтнемъ ребенкѣ, какъ она груба, жестока и капризна.

Если у малышей и подростковъ замѣчается безудержный капризъ и произволъ, то у старшихъ отсутствуетъ сознаніе своего долга, стыда и уваженія къ старшимъ.

Вотъ одинъ примѣръ. Ученикъ старшаго класса ночью идетъ къ преподавателю, предлагаетъ пять пачекъ папиросъ и требуетъ поставить ему отмѣтку вмѣсто заслуженной двойки — тройку. Несмотря на рѣшительный отказъ преподавателя, сей юноша въ теченіе часа настаивалъ на своей унизительной для него и оскорбительной для преподавателя просьбѣ.

Другое. Безумная погоня за всякаго рода зрѣлищами и развлеченіями въ ущербъ своему прямому долгу — занятіямъ, и это еще въ то время, когда весь міръ корчится въ мукахъ своего духовнаго возрожденія, а родной народъ пухнетъ и умираетъ отъ холода и голода и рабскаго непосильнаго труда. И это будущая наша смѣна, будущіе строители нашего Отечества; смѣна, презирающая свой трудъ, не понимающая своего долга и гогочущая въ то время, когда плачетъ и въ невѣроятныхъ мукахъ клянетъ свою судьбу весь русскій народъ.

О чемъ говорятъ эти печальные факты? не только о религіозно-нравственной, но и о соціально-національной пустотѣ — болѣзни нашей учащейся молодежи. И первая причина этого печальнаго явленія — дѣти въ современной русской семьѣ, какъ и въ современномъ русскомъ обществѣ, — заброшены, безпризорны. Но какъ можно помочь нашему горю? И кто можетъ и долженъ взяться за святое дѣло религіозно-нравственнаго воспитанія нашей молодежи? Отвѣтить не трудно.

Учащаяся молодежь живетъ не только въ школѣ, но и, главнымъ образомъ, въ семьѣ и въ окружающей семью и школу средѣ, т. е. обществѣ. Значитъ всѣ эти три соціальныя организаціи, какъ вліяющія на настроеніе подрастающей молодежи и какъ заинтересованныя въ ея моральныхъ качествахъ и должны позаботиться о созданіи здоровой и благопріятной атмосферы для духовно-нравственнаго воспитанія учащейся молодежи. Какъ? — Добрымъ живымъ примѣромъ и полнымъ своимъ единомысліемъ и согласіемъ въ дѣлѣ духовно-нравственнаго воспитанія учащейся молодежи.

Родители первые должны заронить въ сердца своихъ дѣтей сѣмена святой вѣры; они первые должны сказать имъ о Богѣ, о любви Его къ человѣку, какъ и о нашемъ долгѣ по отношенію къ Нему. И не только сказать, но и показать живой примѣръ во всемъ этомъ. Родители первые указываютъ своимъ дѣтямъ и дорогу въ храмъ Божій, а своимъ собственнымъ посѣщеніемъ и поведеніемъ въ храмѣ учатъ дѣтей, какъ должны они вести себя въ храмѣ. Родители же первые должны, наконецъ, внушать своимъ дѣтямъ, что есть грѣхъ, т. е. то, чего не должны допускать, что прогнѣвляетъ Бога и противно людямъ. Уже въ дѣтскую свою пору дѣти должны знать, что значитъ «нельзя», «не должно», «грѣхъ».

Школа принимаетъ дѣтей отъ родителей; принимаетъ не только для того, чтобы ихъ учить, т. е. обогащать знаніями, но и воспитывать; и не только воспитывать вообще, но и въ религіозно-нравственномъ духѣ. Ясно, школа не только не должна разрушать того, что въ религіозномъ отношеніи добраго сдѣлано въ семьѣ родителями, но должна и всемѣрно содѣйствовать дальнѣйшему религіозно-нравственному развитію учащихся. Какъ? — Своимъ со-

вѣтомъ и, главное, добрымъ примѣромъ въ религіозно-нравственной жизни. То, что требуетъ школа въ отношеніи религіозно-нравственнаго воспитанія отъ учащихся, должно быть предметомъ глубокаго уваженія и выполненія и для учащихъ. И не для законоучителя только, а для всего педагогически-воспитательнаго персонала.

Общество, это — та среда, гдѣ дѣти живутъ и вращаются внѣ школы и семьи. Вліяніе общества, или окружающей среды, на молодежь несомнѣнно. Но несомнѣнно также и то, что доброе религіозно-нравственное воспитаніе молодежи важно и для блага общества, а потомъ и для блага всего народа и государства. Значитъ, на обществѣ лежитъ священный долгъ всемѣрно поддерживать заботу о религіозномъ воспитаніи дѣтей и подрастающей молодежи. Вѣдь дѣти, молодежь, это — наша смѣна; будущіе строители народной русской жизни. Поэтому все, что можетъ разлагающе дѣйствовать на религіозно-нравственное настроеніе молодежи должно быть изъ общественной жизни удалено (или, по крайней мѣрѣ, сокрыто, во всякомъ случаѣ, не рекламировано).

Не должно оставаться безучастнымъ къ дѣлу нравственнаго воспитанія подрастающаго поколѣнія и само государство. Ему также необходима молодежь, сильная не только стальными мышцами, но и крѣпкимъ духомъ, утвержденнымъ въ истинѣ и любви къ Богу и человѣку. Только такого рода молодежь будетъ надежной опорой и защитой государства и убѣжденной строительницей его культурной жизни.

Но можетъ случиться (къ сожалѣнію, на дѣлѣ оно такъ и есть), что названныя институціи — семья, школа, общество и государство — сами не совершенны, нерѣдко порочны, нравственно надорваны, духовно больны. Что же тогда дѣлать? Полагаться только на указанныя организаціи значитъ — просто уклоняться отъ разрѣшенія глубочайшей важности проблемы. Что же нужно еще?... Пусть помогутъ намъ въ этомъ отношеніи историческіе примѣры.

Когда нужно было сохранить человѣчество отъ полнаго нравственнаго разложенія, а позднѣе и языческой тьмы, Господь избираетъ Ноя и Авраама. Когда нужно было приготовить человѣчество къ пришествію Мессіи, Господь избираетъ Еврейскій народъ. Когда нужно было Евангельскую истину сдѣлать достояніемъ всего міра и человѣчества, Господь избираетъ сначала 12, позднѣе 70 апостоловъ и устрояетъ Свою Церковь. Когда нужно было показать міру дивную мощь облагодатствованнаго человѣческаго духа и духовную красоту христіанской добродѣтели — явилось христіанское подвижничество, монашество и монастыри. Когда нужно было отразить натискъ воинствующаго Католичества на Православную юго-западную Церковь — явились церковныя братства.

Въ жизни народовъ и всего человѣчества бываютъ моменты, когда необходимо, чтобы все лучшее, нравственно-безукоризненное, духовно здоровое (что обыкновенно, въ силу своей скромности таится въ тѣни) выходило изъ своихъ «катакомбъ» и, организуясь, принимало активное участіе въ жизни своего народа. Путемъ такихъ организацій Провидѣніе осуществляетъ свои намѣренія въ судьбахъ того или иного народа.

Не наступила ли пора и намъ, русскимъ людямъ, въ цѣляхъ религіозно-нравственнаго воспитанія нашей молодежи прибѣгнуть къ такому отбору и такимъ организаціямъ? Вѣдь дѣло религіозно-нравственнаго воспитанія не только важно, но и чрезвычайно сложно, трудно и, я бы сказалъ, даже духовно-аристократично. Если обычный питомникъ розъ требуетъ знатока и любителя этого дѣла, то неужели питомникъ человѣческихъ душъ представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе и можетъ быть предоставленъ кому угодно, лишь бы только на лицо было формальное право? Обычно, такъ и бываетъ. Но зато и плоды такого воспитанія у насъ на лицо — они плачевны.

Пришла пора избавить школу, какъ мѣсто воспитанія и образованія подрастающаго поколѣнія, отъ слишкомъ напористаго вліянія, идущаго съ улицы. Школа, въ извѣстномъ смыслѣ, должна быть подобна монастырю съ ея собственнымъ духовнымъ укладомъ и организаціей. Школа не заѣзжій дворъ, гдѣ можетъ пребывать всякій, а «мѣсто свято», «горній Сіонъ», гдѣ воспитывается духъ человѣчества въ цѣляхъ осуществленія предназначенныхъ ему Богомъ задачъ.

Но возможно ли это? Живой примѣръ предъ нами — это наша скромная Св. Троицкая обитель въ Джорданвиллѣ. Она не только пріютила подъ своимъ кровомъ Духовную Семинарію. Сейчасъ эта Семинарія въ началѣ своего роста; свѣтъ ея только разгорается. Обитель имѣетъ большую типографію, которая снабжаетъ богослужебными книгами и религіозно-нравственной литературой всю Зарубежную Русь. Она имѣетъ хорошую библіотеку, роскошно расписанный соборъ и хорошо поставленное хозяйство. Если это могли сдѣлать 30-50 монаховъ, то что же тогда представляетъ изъ себя русская милліонная эмиграція?

*
**

До сихъ поръ шла рѣчь о необходимости религіозно-нравственнаго воспитанія и о томъ, кто долженъ принять участіе въ этомъ святомъ дѣлѣ.

Теперь обратимъ вниманіе на сущность дѣла: что такое воспитаніе и какіе пути или методы необходимы для осуществленія его задачъ?

Воспитаніе, это — вліяніе одной человѣческой личности на другую въ цѣляхъ ея всесторонняго развитія; значитъ, вліяніе сознательное и цѣлеустремительное. Такое вліяніе охватываетъ всего человѣка во всей его цѣлостности, какъ духовной, такъ и тѣлесной. Человѣкъ не только тѣло, но и духъ. Чтобы вліяніе могло быть полезнымъ, оно должно охватывать всего человѣка, т. е. имѣть въ виду не только потребности его тѣла, но и его духа, какъ въ реально-дѣйствительномъ его состояніи, такъ и въ его идеальномъ предназначеніи.

Такимъ образомъ, воспитаніе не есть чисто механическое дѣланіе, или усвоеніе предмета посредствомъ одного приказа, нажима, требованія. Воспитаніе затрагиваетъ область человѣческой воли и чувства. Воспитывать, это не значитъ только приказывать воспитаннику усвоить извѣстнаго рода поведеніе. Воспитывать, это значитъ побудить волю и чувства воспитанника вос-

принять, усвоить и полюбить тотъ или иной образъ жизни. Успѣхъ воспитанія заключается въ свободномъ, любовномъ воспріятіи воспитанникомъ цѣлей воспитанія. Безъ свободы нѣтъ воспитанія; иначе оно обращается въ простую дрессировку; и тогда успѣхъ воспитанія только кажущійся, видимый. Устраните дрессировщика и его пріемы — и отъ воспитанія, основаннаго на простой дрессировкѣ-дисциплинѣ, ничего не останется. Опытъ, подтверждаемый фактами. Дрессировка, это — своего рода цѣпи, связывающія и задерживающія дѣла и поступки воспитанника, но не связывающія и не культивирующія его волю. Падаютъ цѣпи-дрессировка, и звѣрь, притаившійся въ человѣческомъ сердцѣ выходитъ наружу. Успѣхъ воспитанія требуетъ культивированія воли воспитанника, т. е. направленія ея въ сторону добра, притомъ сознательнаго и добровольнаго.

Но какъ это сдѣлать? Какъ направить волю воспитанника въ сторону добра? Какъ зажечь въ сердцѣ чувства любви къ нему? Въ этомъ секретъ и вся сила воспитанія. Одинъ приказъ или голое требованіе мало помогаетъ дѣлу. Тутъ нужно что-то другое. Что именно? Чтобы пожелать и тѣмъ болѣе полюбить добро нужно живо, такъ сказать, осязательно узрѣть и воспринять добро, всѣмъ существомъ почувствовать его красоту, оцѣнить и признать его значеніе. Иначе сказать: нужно красотой, достоинствомъ добра плѣнить сердце воспитанника, только тогда охваченное этимъ чувствомъ сердце подвинетъ и волю въ сторону добра.

Возможно ли такое вліяніе? Да, если воспитателю удастся внушить воспитаннику и укоренить въ его сознаніи истину о Богѣ, какъ Творцѣ міра и Источникѣ всякаго добра и блага. Богъ не только существуетъ, но Онъ есть полнота всякаго Добра. Потому Его и называютъ Истиной, Свѣтомъ, Святостью, Любовью, Красотою, словомъ — источникомъ всякаго блага. Какъ такового Бога должно познавать и любить прежде всего и выше всего. Съ другой стороны, нужно зажечь въ сердцѣ воспитанника сознаніе, что человѣкъ изъ земныхъ твореній Божьихъ есть самое достойное и дорогое для Бога существо, ибо только человѣкъ созданъ по образу Божію и только онъ одинъ обладаетъ способностью къ богоуподобленію. Люди — это «дѣти Божіи», это «родъ Божій», который призванъ къ тому, чтобы стать подобнымъ своему Небесному Отцу, быть въ Немъ и имѣть Его въ себѣ. Все это и значитъ пребывать въ Истинѣ, Святости, Любви т. е. служить Добру и любить Его.

Таковъ корень или незыблемая основа религіозно-нравственнаго воспитанія. Нѣтъ этого корня, не можетъ быть и его благословенныхъ плодовъ.

Но когда и при какихъ условіяхъ выявляется вся неотразимая привлекательность Добра?

Конечно, и несомнѣнно, не въ словѣ, тѣмъ болѣе грозно требующемъ, а въ дѣлѣ, въ живомъ, реальномъ осуществленіи добра, притомъ сознательно-свободномъ, чуждомъ возношенія, лицемѣрія, тщеславія. «Не любимъ, говоритъ возлюбленный ученикъ Христа, Іоаннъ, словомъ, но дѣломъ и истиною».

Въ дѣлѣ воспитанія обнаруживается исключительное значеніе живого, добраго примѣра. Какъ огонь загорается отъ огня, такъ устремленіе къ

добру можетъ возникнуть только при наличіи живого, реальнаго, на дѣлѣ осуществляющагося добра. Примѣръ заразителенъ. Живой, добрый примѣръ, это — очагъ духовнаго огня, способнаго зажечь такой же огонь и въ сердцѣ другого человѣка.

Могутъ сказать: значитъ, въ дѣлѣ воспитанія принужденіе, приказаніе не играетъ роли? Значитъ, оно теряетъ всякое значеніе? Такъ, къ сожалѣнію, думаютъ многіе современные родители и даже педагоги. Изъ сказаннаго этого не слѣдуетъ.

До сихъ поръ, говоря о воспитаніи, я имѣлъ въ виду основное качество человѣческой природы, которое имѣетъ исключительное значеніе въ дѣлѣ воспитанія. Это — свобода человѣческаго духа: «кого хочу, того и люблю; кого люблю, того и ищу».

Но воспитателю приходится имѣть дѣло не только съ тѣмъ, что является основнымъ, исходнымъ свойствомъ человѣческой природы, но и съ тѣмъ, что вошло въ нее, пришло извнѣ, но что имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ воспитанія. Это пришедшее извнѣ есть «грѣхъ-зло», нравственное поврежденіе человѣческой природы. «Хочу и ищу добра, а дѣлаю зло». Раздвоеніе человѣческаго духа говоритъ о наличіи въ человѣческой природѣ начала, противоборствующаго тому, чего хочетъ и чего ищетъ подлинная природа человѣка. Это начало есть начало грѣха или, какъ выражается апостолъ, «законъ грѣховный» (Рим. VII, 23). Въ русской литературѣ этотъ законъ называется «радикальнымъ зломъ». Этотъ законъ присущъ не только взрослымъ, но и дѣтямъ. Думать, что дѣтская душа, это — «tabula rasa», или чистый листъ, на которомъ воспитатель можетъ писать, что угодно — большая ошибка. Дѣтская душа, это — темная бездна, въ которой съ перваго дня ея существованія, копошатся многочисленные и многоликіе гады — пороки. Они стараются поработить дѣтское сердце и погасить въ немъ свѣтильники подлиннаго человѣческаго духа, устремленнаго въ сторону добра. Борьба съ проявленіемъ этихъ пороковъ и требуетъ дисциплины, запрета, приказанія и, въ полномъ смыслѣ, — наказанія. Но и тутъ нужно всегда помнить, что побѣда надъ порокомъ принадлежитъ человѣческой волѣ и что запретъ имѣетъ силу только тогда, когда исходитъ изъ добраго чувства любящаго сердца. Фальшь здѣсь портитъ все дѣло.

Такъ открывается необходимость въ дѣлѣ воспитанія не только живого, добраго примѣра, но и приказа, запрета, дисциплины. Первый имѣетъ въ виду человѣческую добрую волю, второй — живущій въ человѣческой природѣ грѣхъ. Первый плѣняетъ человѣческое сердце красотой добра, двигаетъ въ направленіи къ добру волю и окончательно поражаетъ порокъ; второй — не только задерживаетъ проявленіе порока, но и настойчивымъ постояннымъ запретомъ-требованіемъ вырабатываетъ въ дѣтяхъ привычку къ добру. Безъ этого усилія дисциплина не даетъ положительныхъ плодовъ. Ибо тогда наблюдается то же, что бываетъ съ сорной травой, когда ее только скашиваютъ, а не выкарчевываютъ съ корнемъ. Верхушка срѣзается и умираетъ, а корни только углубляются и даютъ болѣе сильную траву.

Ясно, что для достиженія цѣлей воспитанія мало указать, требовать, приказать. Нужно еще и научить и создать благопріятную атмосферу-обстановку, благопріятно дѣйствующую на сердце воспитанника и побуждающую его волю искать и любить добро.

Когда нужно начинать эту работу?

Нѣтъ нужды доказывать, что эта просвѣтительная работа должна начинаться съ самаго ранняго дѣтства и что она должна вестись не только школой, но и, главнымъ образомъ, семьей. «Съ трудомъ истребляется то, что впечатлѣвается въ молодыя души», говоритъ блаженный Іеронимъ. Поэтому «дѣтямъ, замѣчаетъ святой Іоаннъ Златоустъ, особенно нужно преподавать первые уроки вѣроученія». «Не говорите, что въ дѣтствѣ еще не время заниматься религіей. Я утверждаю, что такое занятіе не только полезно, но и необходимо для сего возраста, ибо жизнь ребенка съ перваго дня (момента) начинаетъ наклоняться, или къ добру, или ко злу».

Но въ области духовной жизни важно не столько знаніе, сколько воспріятіе этого знанія сердцемъ и осуществленіе его въ жизни, въ дѣятельности. Тутъ во всей силѣ показательны слова Божественнаго Учителя Христа: «Не всякій говорящій Мнѣ Господи, Господи, войдетъ въ Царствіе Божіе, но творящій волю Отца Моего Небеснаго». Претвореніе въ жизнь знаемаго требуетъ воспитанія воли и сердца въ должномъ направленіи т. е. въ любви къ истинѣ и добру; иначе къ Богу и къ Его образу — ближнему человѣку. Это — область спеціальнаго религіозно-нравственнаго, воспитанія воли и сердца человѣка. Большое значеніе имѣетъ доброе, чистое, возвышенное слово, но рѣшающее значеніе здѣсь принадлежитъ доброму, возвышенному примѣру. Воспитатель, это — живой исполнитель того, что преподается имъ воспитаннику. «Хорошее дѣло учить, если тотъ, кто учитъ, и творитъ» (Св. Игнатій Богоносецъ). Въ противномъ случаѣ неизбѣженъ соблазнъ, а онъ для учащихся гибельнѣе худого слова. Не даромъ въ Евангеліи сказано: «горе миру отъ соблазновъ» (Матѳ. XVIII, 7) и «кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской» (Матѳ. XVIII, 6). А великій учитель Церкви Оригенъ основнымъ правиломъ для воспитателя считалъ: «не учить ничему такому, чего онъ самъ не старался бы осуществить въ своей собственной жизни, чтобы вліять на учениковъ сколько словомъ, столько же и примѣромъ». И надо сказать: положеніе Оригена было основнымъ началомъ всей святоотеческой педагогики. Отсюда требованіе: «необходимо, чтобы старшіе младшимъ представляли примѣры во всѣхъ добродѣтеляхъ (пишетъ преподобный Ефремъ Сиринъ) и не подавали никакого повода къ соблазну. Ибо если мы, взрослые, сами не покорны, какъ меньшимъ будемъ внушать повиновеніе? Если сами преданы многоядѣнію или нетрезвости и скупости, какъ низшихъ можемъ расположить къ воздержанію и простотѣ? Если сами разсѣяны, многорѣчивы и непостоянны, какъ юнѣйшихъ научимъ степенности, постоянству и молчанію?»

Отсюда же необходимость устраненія плохого товарищества: «нужно избѣгать сообщества съ дурными людьми; они, говоритъ Климентъ Александрійскій, развращаютъ добрые нравы». «Дурные товарищи (говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ) вредятъ не только дѣломъ, но и словомъ худымъ». «Какъ тѣло погибаетъ отъ заразы испорченнаго воздуха (продолжаетъ тотъ же святитель), такъ точно душа часто терпитъ вредъ отъ общенія съ людьми порочными». Такъ же думалъ о воспитаніи и великій подвижникъ — отецъ восточнаго монашества — святой Антоній Великій. «Какъ дурная вода, говоитъ великій пустынникъ, портитъ хорошее вино, такъ худыя бесѣды развращаютъ добрыхъ по жизни и по сердцу людей». Поэтому святоотеческая педагогика рѣшительно совѣтуетъ удалять дѣтей отъ дурныхъ сообществъ и товарищей.

Это — положительная сторона въ дѣлѣ воспитанія, направляющая силы воспитанниковъ въ сторону добра. Но въ воспитаніи, какъ мы сказали уже раньше, есть и другая сторона, такъ сказать отрицательнаго характера, имѣющая ввиду живущій въ человѣческой душѣ грѣхъ. Это — область воспитательной дисциплины: приказа, запрещенія и наказанія. Дисциплина уничтожить не можетъ грѣха, ибо онъ, какъ и добродѣтель, явленіе порядка духовнаго, почему его и преодолѣть можно только усиліями человѣческаго духа. Но дисциплина, сдерживая порывы грѣха и ограничивая его проявленія, тѣмъ самымъ ослабляетъ его силу, содѣйствуетъ укрѣпленію человѣческой воли въ добрѣ и вырабатываетъ въ человѣкѣ добрую привычку. Это и оправдываетъ законность и смыслъ въ дѣлѣ воспитанія дисциплины — твердой, но разумной, настойчивой, но имѣющей въ виду благо воспитанника. «У дѣтей, пишетъ блаженный Августинъ, нельзя ожидать полнаго пониманія и нельзя добиваться его напередъ; напротивъ, имъ прежде всего доступно объективное послушаніе, дисциплина, а не субъективное повиновеніе. Воспитанникъ лишь путемъ благонравнаго навыка доходитъ до пониманія».

Воспитаніе дѣтей должно опредѣляться родительской любовію, говоритъ святой Іоаннъ Златоустъ; но эта любовь не должна переходить въ слабость, какъ это случилось съ первосвященникомъ Иліемъ, — иначе грозное наказаніе Божіе неминуемо, какъ для дѣтей недостойныхъ, такъ и для слабыхъ родителей. «Методъ строгій, говоритъ Климентъ Александрійскій въ своемъ знаменитомъ «Педагогѣ», для правильнаго воспитанія дѣтей полезенъ... Многіе изъ страстей искоренимы лишь при посредствѣ наказаній». Поэтому «каждый проступокъ долженъ быть наказанъ такъ, чтобы наказаніе пріучало въ то же время къ покорности, терпѣнію и къ душевному спокойствію», пишетъ Василій Великій. Иначе сказать: наказаніе никогда не должно быть только наказаніемъ, карою, причиняющей боль наказываемому; оно всегда должно носить въ себѣ элементъ, способствующій исправленію злой воли наказаннаго.

«Особенно же худо въ воспитаніи то», говоритъ златоустый учитель Церкви, Іоаннъ, «что порокъ мы часто прикрываемъ благозвучными именами, называя постоянное пребываніе на конскихъ ристалищахъ и въ театрахъ —

свѣтскостью, обладаніе богатствомъ — свободою, славолюбіе — великодушіемъ, дерзость — откровенностью, расточительность — человѣколюбіемъ, несправедливость — мужествомъ. Потомъ какъ будто этого еще мало, они и добродѣтель называютъ противными именами: скромность — необразованностью, кротость — трусостью, справедливость — слабостью, смиреніе — раболѣпствомъ, незлобіе — безсиліемъ: между тѣмъ какъ названіе пороковъ прямыми и настоящими именами не мало способствуютъ отвращенію отъ нихъ. Я знаю такихъ, говоритъ Іоаннъ Златоустъ, которые этимъ способомъ были образумлены и, слыша поносныя себѣ названія, дѣлались скромнѣе по жизни».

Такова мудрость святоотеческой педагогики. Она вся — плодъ опыта и должнаго воспріятія апостольскаго наставленія: «Отцы, не раздражайте дѣтей вашихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и въ ученіи Господнемъ».

Кто же долженъ принять на себя этотъ не легкій трудъ религіозно-нравственнаго воспитанія учащейся молодежи?

Тѣ, кто заинтересованы въ судьбѣ учащейся молодежи: семья, школа, Церковь, государство. Я выше говорилъ, какое участіе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія учащейся молодежи должна принять семья и школа. Повторяться не буду. Напомню объ одномъ. Относясь индифферентно, а не рѣдко совершенно отрицательно, къ дѣлу религіозно-нравственнаго воспитанія подрастающаго поколѣнія, мы не только глумимся надъ своимъ священнымъ долгомъ, но и готовимъ гибель, какъ для своихъ дѣтей, такъ и для того народа, къ которому они принадлежатъ. Сѣющій вѣтеръ — пожинаетъ бурю. Страшную правду этихъ пророчески-апостольскихъ словъ начинаетъ, кажется, понимать и современное человѣчество.

Въ заключеніе невольно хочется припомнить безсмертныя слова Ф. М. Достоевскаго: «Если Бога нѣтъ, то дѣлай всякую пакость, — многіе стали говорить такъ, даже отцы дѣтямъ».Эта пакость не стала ли въ наши дни царицей, повелительницей человѣческаго ума и сердца? Ей покорно служатъ всѣ: и человѣческая личность, и семья, и общество, и цѣлые народы. Она, пакость эта, угробила нашу великую Родину, продавъ въ рабство шайкѣ интернаціональныхъ бандитовъ великій Русскій народъ. Пакость эта лишила насъ дорогого отечества, сдѣлавъ всѣхъ насъ «притчей во языцѣхъ». Пакость эта своимъ тлетворно-разрушительнымъ смрадомъ заразила все современное человѣчество, и оно, потерявъ подъ ногами почву, въ смущеніи, удивленіи и ужасѣ мечется во всѣ стороны, не зная, что дѣлать, какъ выбраться изъ этого духовнаго тупика, въ которомъ оказался современный человѣкъ. Теперь эта же пакость протягиваетъ свои грязныя, забрызганныя человѣческой кровью руки къ нашимъ дѣтямъ, пытаясь и ихъ сдѣлать жертвой современнаго ненасытнаго Молоха. Отсюда истерическій вопль современной молодежи: «хлѣба и зрѣлищъ», ненависть къ труду и работѣ. Отсюда духовная расхлябанность нашихъ дѣтей, нерѣдко питаемая сомнительной литературой современныхъ квази-просвѣтителей. «Дьявольскій водевиль» разыгрывается предъ нами на нашихъ глазахъ. Что же мы? Какъ реагируемъ мы на эту

сатанинскую пляску? Въ лучшемъ случаѣ, мы слышимъ только одни слова, слова и слова; въ худшемъ — наблюдается полный параличъ воли и духа. Смущенные, удивленные, пораженные ужасомъ, мы топчемся на одномъ мѣстѣ, не смѣя даже крикнуть: «караулъ!» Грустно! Что же дѣлать? Куда идти? Наступаетъ рѣшительный, двѣнадцатый часъ. Когда то великій Гете сказалъ: «Если ты потерялъ состояніе, то ты еще ничего не потерялъ: состояніе можно нажить вновь. Если ты потерялъ честь, то попробуй пріобрѣсти славу, и честь будетъ возвращена. Но если ты потерялъ мужество (бодрость, духъ), то ты потерялъ все». Вотъ это то и потерялъ современный міръ. Какъ же быть? Современный человѣкъ сталъ спиною къ Тому, Кто есть Истина и Свѣтъ, путь и жизнь — къ Богу. Ушелъ изъ человѣческаго сердца Богъ, не стало въ Божьемъ мирѣ и человѣка; его мѣсто занялъ звѣрь, вышедшій изъ бездны. Нѣкогда сѣяли вѣтеръ, теперь пожинаемъ страшную бурю.

Дорогіе братья, отцы и матери! Во имя любви къ своимъ дѣтямъ поймемъ, наконецъ, эту простую, несложную истину, и она откроетъ намъ выходъ къ доброй человѣческой жизни. «Пріидите ко Мнѣ, вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы: возмите иго Мое на себе, и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящите покой душамъ вашымъ: иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть». Это — слова Господа, Спасителя нашего. Это — единственно-вѣрный и Исторіею оправданный путь возвращенія человѣка къ доброй, истинно человѣческой жизни.

***

Теперь подведемъ итогъ всему сказанному по вопросу религіозно-нравственнаго воспитанія русской молодежи.

Такое воспитаніе необходимо. Его требуетъ достоинство человѣческой личности, какъ призванной къ богоподобію; его требуетъ польза Церкви и благо всего государства; имъ создается счастье и радость семьи; оно ведетъ каждаго человѣка къ достиженію вѣчнаго спасенія. Религіозно-нравственное воспитаніе, это — единственно-надежная почва, на которой только и можетъ создаться благополучіе всей земной человѣческой жизни. Теряя ее, почву, человѣкъ теряетъ не только то, что онъ пріобрѣтаетъ на землѣ, но и то, что уготовано ему на небѣ.

Безъ религіозно-нравственнаго воспитанія человѣкъ обращается въ звѣря, а звѣрь ничего не можетъ созидать, онъ только разлагаетъ и уничтожаетъ все.

Такое значеніе религіозно-нравственнаго воспитанія требуетъ, чтобы оно стало предметомъ вниманія не только школы, но и семьи, общества, Церкви и государства, притомъ вниманія не сусально-либеральнаго, а реально-трезвеннаго, ждущаго рѣшительной побѣды чистоты и святости надъ грѣхомъ; Добра надъ зломъ; Свѣта надъ тьмою; Истины надъ ложью; человѣка надъ звѣремъ...

Протопресвитеръ В. Бощановскій.

БРАТЬЯ.

Разсказъ.

Братъ быстро вошелъ въ комнату, которую мы снимали въ пригородной деревнѣ. Почуявъ что то неладное, я отложилъ учебникъ, хотя и самъ имѣлъ кое что разсказать брату.

— Никого нѣтъ въ домѣ?

— Какъ будто бы нѣтъ, — отвѣтилъ я. Однако, братъ прошелъ въ хозяйскую кухню, посмотрѣлъ въ комнатку при входѣ, которую также снимали студенты, благо комната, какъ и наша, не имѣла дверей, а лишь ситцевыя занавѣски. Только послѣ этого онъ тяжело сѣлъ на стулъ.

— Плохи наши дѣла, Петя, — началъ братъ, — только что меня вызывали въ студкомъ, и знаешь, зачѣмъ?

— Не тяни, Толя, а то и такъ несладко, — взмолился я.

— Кто то написалъ доносъ на меня, расписалъ тамъ, что отецъ нашъ высокой персоной былъ и ордена Станислава и Владиміра имѣлъ. Ка-акъ взяли меня въ переплетъ, что да почему... Однако я парировалъ ихъ, кажется, тоже не плохо: говорю, какой же онъ большой человѣкъ, если самый простой учитель городского училища былъ! Не вѣрятъ мнѣ — а почему ордена имѣлъ? Я имъ говорю, вы студенческій комитетъ, можно сказать цвѣтъ нашего студенчества, должны знать, что прежнее министерство просвѣщенія давало ордена за выслугу лѣтъ, а отецъ 30 лѣтъ поработалъ на нивѣ просвѣщенія.

— Ну и что же студкомовцы?

— Такъ то оно такъ, говорятъ, да вѣдь и за приверженность старому режиму тоже давали. Какой же ты пролетарскій студентъ, если отецъ ходилъ увѣшанный орденами? Тутъ меня взорвало: что плохого, если отецъ училъ такихъ оболтусовъ (это слово, конечно, вслухъ не сказалъ) грамотѣ и исторіи, а теперь вы его орденами попрекаете за честную службу! Въ общемъ, много чего наговорилъ.

— Чѣмъ же все кончилось?

— Не знаю, что у нихъ было еще въ доносѣ, однако, видимо, мои доводы немного подѣйствовали. Сказали, что мой вопросъ еще дослѣдуютъ.

— Значитъ...

— Значитъ, — горько усмѣхнулся братъ, — и тебя, и меня могутъ зачислить въ разрядъ классово-чуждыхъ элементовъ, обоимъ могутъ вставить перо, или стипендіи лишить. А жаль, ты еще только зацѣпился за первый курсъ, а я вѣдь на третьемъ. Ахъ, все равно: и такъ, и этакъ тяжело...

— Толя, — осторожно спросилъ я, — а объ Иванѣ имъ ничего не извѣстно?

— Представь, я все время ожидалъ, что они меня огорошатъ именно Иваномъ, но лишь орденами да старымъ режимомъ били. Однако у тебя, Петя, тоже что то аховскій видъ, что нибудь случилось?

— Мнѣ тоже всю душу измотали, теперь то я понимаю, что тотъ доносъ и до нашего факультета дошелъ. Сегодня въ перемѣну подходитъ

ко мнѣ предсѣдательница стипендіальной комиссіи, коммунистка, она изъ Марійской республики (марійцы — бывшіе черемисы), беретъ меня подъ руку и отводитъ въ уголокъ. Спрашиваю ее такъ вѣжливо: "Вы меня хотите о чемъ нибудь спросить?" "В-ы-ы, плохой ты студентъ, если на ты не можешь говорить". Я себя уже ругаю за проклятую интеллигентскую привычку. И стала меня спрашивать: кто я, кѣмъ отецъ былъ.

— Что же ты отвѣчалъ?

— Разсказалъ, что со школьной скамьи прямо въ ВУЗ поступилъ, отецъ былъ учителемъ, а она: что онъ преподавалъ? Говорю — исторію и русскій языкъ. Долго ли былъ учителемъ? 30 лѣтъ, говорю, и умеръ уже три года назадъ. И награды получалъ? — а узкими глазами такъ и сверлитъ меня. Тутъ я задумался: юбилей былъ 25-лѣтній, отвѣчаю, икону учителя преподнесли, вотъ и все, кажется. Потомъ спросила, есть ли еще родственники. Я на эту тему много не распространялся, самъ понимаешь. Измучила она меня... но вижу, что все идетъ изъ одного источника, а вотъ объ орденахъ не спрашивала.

— Держи ухо востро теперь!

— Да, если сегодняшняя исторія какъ нибудь сойдетъ намъ, то Иванъ ужъ намъ не пройдетъ. Мы съ тобой, Толя, по острію ножа ходимъ, и только чудо можетъ спасти насъ отъ неизбѣжнаго новаго удара. Развѣ можно скрыть, что въ пяти верстахъ отъ города въ селѣ Б. находится нашъ братъ, и не просто братъ, а о. Иванъ съ семьей?

— Эхъ, Петя, когда это было, чтобы родного отца и брата опасались и бѣжали отъ встрѣчи съ ними, какъ съ зачумленными. Живемъ мы съ тобой въ страхѣ, не юность у насъ, а сплошной трепетъ и дрожаніе. Сегодня такой ужъ день у насъ, да и дома никого еще нѣтъ, давай начистоту все выложимъ, можетъ быть легче на душѣ будетъ? Не разсказывалъ я тебѣ одинъ случай. На прошлой недѣлѣ возвращался я изъ института съ практическихъ занятій, а со мной секретарь комсомола увязался и еще одинъ однокурсникъ. Идемъ, обсуждаемъ свои опыты по микробіологіи, и вдругъ — прямо передъ собой вижу нашего о. Ивана. Задумался онъ, видимо въ финотдѣлъ шелъ, а тутъ поднялъ глаза, увидѣлъ меня, чуть вздрогнулъ, и такая у него виновато-жалостная улыбка промелькнула, но все же прошелъ мимо, а я совсѣмъ смѣшался, что то невпопадъ сказалъ секретарю, онъ же глазастый, мерзавецъ: "ты что, Святкинъ, словно тебя мукой посыпали, попа испугался, что ли?" Да нѣтъ, говорю, животъ зарѣзало. А другой однокурсникъ во всю рожу нахально улыбается и добавляетъ: "Попъ то на нашего Анатолія похожъ, не братъ ли твой?" А я, — Толя хрипло перевелъ дыханіе, — я долженъ былъ съ шуточками и наиграннымъ веселіемъ говорить имъ, чтобы они не вѣшали мнѣ на шею всякаго бородатаго, въ умѣ ли они, какой онъ мнѣ братъ...

Я вмѣстѣ съ Толей переживалъ этотъ разсказъ о встрѣчѣ съ нашимъ добрымъ и любящимъ братомъ, отъ котораго мы теперь должны были таиться, а онъ долженъ былъ не узнавать насъ.

— Счастье наше, — медленно заговорилъ Толя, — что Иванъ рѣдко въ городъ вылѣзаетъ, а то пропали бы мы, какъ пить дать.

Мы задумались. Вдругъ, точно осѣненный, я быстро заговорилъ:

— Знаешь, Толя, сходимъ въ слѣдующее воскресенье къ Ивану, такъ хочется побывать въ семейной обстановкѣ, поговорить, можетъ быть будетъ спокойнѣе на душѣ потомъ.

Толя вскочилъ со стула.

— Ты что нибудь соображаешь, Петька, мечтатель ты — въ воскресенье пойдемъ, а въ понедѣльникъ наши хладныя тѣла изъ института вышибутъ. Ты что...

Однако, его возраженія были все тише и тише, я зналъ, что онъ любитъ Ивана не меньше, чѣмъ я, и хотѣлъ бы быть вмѣстѣ съ нимъ.

— А, была не была, пойдемъ, а тамъ, что Богъ дастъ. Ты бы видѣлъ, какое лицо у Ивана было, а разошлись, какъ чужіе. Хватитъ, сколько я муки натерпѣлся. Пойду, и все тутъ!

Въ концѣ января 1926 года, рано утромъ, въ воскресенье, я и Толя шли по полутемнымъ улицамъ. Въ городѣ было не такъ холодно, но снѣжокъ завивалъ по угламъ. При выходѣ же изъ города мы свои ремни перенесли на пальтишки, крѣпко застегнулись, надвинули шапки и ринулись въ сѣрую муть вьюги. Дорога была трудная, но вмѣстѣ съ вѣтромъ и снѣгомъ мы вышли прямо къ церковному домику. Встрѣтили насъ дѣтишки, наши племянники: мальчикъ лѣтъ шести и двѣ дѣвочки — четырехъ и двухъ лѣтъ, которыхъ мы занимали какъ могли. Скоро пришли братъ съ женой, отслуживъ обѣдню. У матушки Вѣры испуганно округлились глаза, и первый вопросъ ея былъ: не видалъ ли насъ кто, когда мы входили въ домъ? Братъ былъ тоже видимо смущенъ, но радъ несказанно. Сердечно расцѣловались съ матушкой и братомъ. Однако, матушка тутъ же подтолкнула насъ въ самую дальнюю комнату, — такъ лучше будетъ, если кто придетъ къ намъ — а сама убѣжала на кухню похлопотать для гостей.

— Какъ же это вы, ребятки, въ такое время надумали ко мнѣ придти? Что нибудь случилось?

Мы успокоили брата: пока у насъ еще ничего не случилось, но вотъ захотѣлось повидаться, посмотрѣть, какъ живете, вѣдь около четырехъ лѣтъ не видѣлись, — а сами стѣсняемся, не знаемъ, какъ назвать его: не то батюшкой, не то о. Иваномъ, не то просто Ваней. Разсмѣялся братъ — называйте, говоритъ, Ваней, по братски, а если назовете батюшкой или о. Иваномъ, то тоже не обижусь. Поговорили о своемъ ученіи, о занятіяхъ, а Ваня разсказалъ о томъ, какъ годъ назадъ назначенъ былъ въ этотъ приходъ, не хотѣлъ его братъ, понималъ, что намъ повредить можетъ, просилъ Владыку дать что нибудь поглуше, но ничего не было тогда. И вотъ въ этомъ приходѣ, наряду со стойкими въ вѣрѣ людьми, уже комсомольскую ячейку образовали, отъ которой скоро житья не будетъ. И сама совѣтская власть такіе налоги опредѣляетъ, что никогда не выплатилъ бы, но приходъ пригородный, кресть-

яне зажиточные и поддерживаютъ своего батюшку. Однако, чувствуемъ, что нашъ батюшка не говоритъ чего то важнаго, главнаго. Тутъ матушка Вѣра пригласила на ранній деревенскій обѣдъ, чѣмъ Богъ послалъ. Прочиталъ о. Иванъ молитву, разломилъ просфорку и далъ всѣмъ, и намъ также. Пообѣдали, поблагодарили, и снова остались съ братомъ одни: матушка уложила дѣтей, а сама потомъ ушла на кухню.

— Рано вы сегодня, ребятки, встали, да по морозу и вѣтру прошлись — навѣрно, тоже спать хочется?

— Нѣтъ, нѣтъ, мы лучше посидимъ, поговоримъ.

Одернулъ батюшка подрясникъ, видимъ, что руки дрожатъ у него — и затѣмъ съ такой тревогой и ожиданіемъ взглянулъ на насъ, и тихо-тихо спросилъ:

— А вы, ребятки, не стали ли безбожниками? Нѣтъ вѣдь? А? — и поблѣднѣлъ даже.

Опустили мы юныя головы — вотъ что, оказывается, мучило брата! Какъ отвѣтить? Время теперь такое стало. Толя первый заговорилъ:

— Заня, ты знаешь насъ и поймешь, въ душѣ мы всегда Бога носимъ, а вотъ въ институтѣ на лекціяхъ, съ товарищами приходится въ совѣтскую дуду дудѣть. Каждый предметъ у насъ читается съ антирелигіозной подкладкой, на каждомъ собраніи громятъ религію и уклоны, и внѣшнѣ мы плывемъ по этому теченію.

— Нехорошо все это, — подхватилъ я, — ужасна эта двойственность, мнѣ скоро двадцать лѣтъ будетъ, а я еще ни разу открыто, съ душой на людяхъ не сказалъ, что я думаю, что меня мучаетъ. И о вѣрѣ не скажешь — сразу погибнешь.

— Петя, мальчикъ, но вѣришь же ты?

— Душу у насъ надломили, вѣдь уже сколько лѣтъ мы не видимъ и намъ не даютъ Того Бога, къ Которому мы привыкли съ дѣтства: къ Богу любви и кротости, тоскую я по Немъ, можетъ быть въ этомъ и есть моя вѣра, тоскую по дѣтскимъ чистымъ переживаніямъ, по утеряннымъ пасхальнымъ службамъ, по дивнымъ церковнымъ пѣснопѣніямъ, которыхъ мы уже не слышимъ и которыя замѣняютъ намъ грубымъ матеріализмомъ, ненавистью, доносами...

О. Иванъ слушалъ меня съ загорѣвшимися глазами.

— Вѣрно, Петя, разъ тоскуешь о свѣтломъ и святомъ, значитъ Богъ явленъ тебѣ. Я мучился и волновался о васъ, думалъ, что васъ совсѣмъ безбожниками сдѣлали, а вотъ, хотя и съ обрѣзанными крыльями, все же отца съ матерью и весь родъ нашъ не посрамите. Не заглохла въ васъ искра Божія, и это меня очень радуетъ. Знаете ли вы, какъ сталъ я на священническій путь, да въ такое еще страшное время? Разсказать вамъ?

— Ну, конечно! — попросили мы.

— Когда я кончалъ семинарію, тебѣ, Петенька, было всего 7 лѣтъ, а Толѣ 9. Помните ли вы меня въ тѣ годы?

— Какъ же не помнить! Какъ пріѣдешь, бывало, на каникулы, кто лучше всѣхъ лески сплететъ и намъ, малышамъ, лучшія удочки на-

ладитъ, все ты это дѣлалъ, и на рыбалку ходили вмѣстѣ съ тобой, какъ же можно забыть!

— Да-а, — задумчиво улыбнулся Ваня, — несмышленыши вы еще были, и я молодъ былъ, хотя и окончилъ семинарію, потому и пошелъ въ псаломщики, пока свою жену еще не встрѣтилъ. Вскорѣ война началась, года два насъ не призывали, а потомъ меня опредѣлили въ юнкерское училище. Не успѣлъ закончить его, какъ царя свергли, и разгулялась народная стихія. Потомъ этотъ Ленинъ всю Россію въ кулакъ зажалъ. Я въ это время болтался то на курсахъ бухгалтерскихъ, то въ комитетѣ по выборамъ въ Учредительное собраніе. Въ это время познакомился съ Вѣрой, родители у нея строгіе, набожные, и не сразу меня за жениха посчитали. Время неустойчивое, и съ каждымъ днемъ страшнѣе: провѣрки, аресты, разстрѣлы, контрибуціи, и я вотъ-вотъ на зубокъ къ краснымъ попаду. Лѣтомъ 1918 года, когда особенно свирѣпствовалъ красный терроръ, неожиданно городъ взяли каппелевцы, а затѣмъ чехи пришли. Мы думали, что большевикамъ конецъ приходитъ. Какъ русскій человѣкъ и бывшій юнкеръ, я съ перваго же дня пошелъ въ возродившуюся русскую армію. Поплакала Вѣра, а въ началѣ сентября пришлось совсѣмъ разстаться: совѣтская армія повела съ двухъ сторонъ наступленіе, и пришлось намъ съ тяжелыми боями отступать на востокъ. Разсказать всю эпопею похода черезъ Уралъ и Сибирь нѣтъ возможности, разскажу лишь то, что имѣетъ прямое отношеніе къ персту Божьему и моей судьбѣ.

Въ одномъ изъ боевъ, уже зимой, ранили меня въ горло навылетъ. Подобрали меня, перевязали рану, уложили въ сани-розвальни, и снова на востокъ. Морозы сибирскіе, лежу, мерзну, въ горлѣ кровь булькаетъ, стекаетъ изо рта и замерзаетъ. Ни пить, ни ѣсть, мука-мученическая. Много разъ душу Господу отдавалъ, но часъ еще мой не пришелъ. Счетъ времени потерялъ — можетъ быть, черезъ недѣлю или больше совсѣмъ мнѣ плохо стало. И вдругъ наклоняется кто то надо мной, я рукой пошевелилъ, отгоняю, сонъ это, а она, Вѣра, взяла мою руку и шепчетъ: "Ваня, милый, это я, я, теперь ты непремѣнно поправишься...

О. Иванъ смахнулъ слезу, помолчалъ немного и продолжалъ:

— Хочу кратко разсказать, а не получается, какъ же не сказать о Вѣрушѣ. Хотѣла еще въ сентябрѣ съ нами отступить, да родители не пустили. Мѣста себѣ не находитъ, будто кто то велитъ ей идти къ намъ, нужна ты тамъ. Ушла тайкомъ, сначала на Самару, а потомъ на востокъ, перешла фронтъ и разыскала меня. Развѣ это не чудо? Слабая женщина прошла такой путь. Она мнѣ все разсказала, а я только глазами отвѣчаю — говорить то не могу, но чувствую себя уже сильнѣе. Вѣра осталась у насъ сестрою милосердія. Сталъ я поправляться, Вѣра выходила меня, могъ уже жидкое ѣсть, а голосъ не возвращается. Докторъ сказалъ, что голосовыя связки перебиты. Кое-какъ на пальцахъ объяснялся, и мимикой. Самому же тяжело: въ 25 лѣтъ такимъ инвалидомъ остаться. Вмѣстѣ съ Вѣрой молились о моемъ выздоровленіи, но голосъ не появлялся.

Гдѣ то подъ Читой свалилъ меня тифъ. Осталась со мной Вѣра въ деревнѣ, пріятели изготовили ей кое какіе документы на насъ обоихъ. Всѣми тифами переболѣлъ, какіе тогда были, и опять, если бы не Вѣра, лежалъ бы въ землѣ сибирской. Попали мы къ краснымъ, но все же такого инвалида не тронули, да и документы, видимо, помогли. Пришелъ снова въ себя, а заговорить не могу.

Стали мы съ Вѣрой къ ея роднымъ пробираться, такой путь былъ, и вспоминать страшно. Но каждый день пытался сказать что нибудь, упражнялъ горло, а больше молился отъ всего сердца: "Яви, Господи, мнѣ недостойному милость Твою, и буду я полнымъ голосомъ до конца дней моихъ прославлять святое Имя Твое". И вотъ гдѣ то подъ Уфой однажды утромъ захрипѣлъ я, зашипѣлъ, и вышло что то вродѣ "Вѣра". Не повѣрили оба, я опять давлю изъ себя и что то снова хриплю. Какъ же обрадовался я! День ото дня все лучше и лучше мнѣ, и возвратился мой голосъ полностью. Господь былъ милостивъ ко мнѣ!

Лишь въ 1920 году добрались мы до родителей Вѣры; вскорѣ поженились, и Богъ далъ намъ первенца Володю. Потомъ пріѣхалъ я къ вамъ въ отцовскій домъ, и поступилъ бухгалтеромъ въ областной Потребсоюзъ. Но душа моя покоя не имѣла — какъ же ты обѣщалъ Бога славить, голосъ чудесно обрѣлъ, а самъ на счетахъ щелкаешь? Боже, гдѣ и какъ прославлять Тебя, когда кругомъ гоненія, церкви закрываютъ? И вотъ тутъ озарило меня: только во священническій санъ, только въ этомъ санѣ я словомъ и дѣломъ исполню волю Господню. Помните, уѣхалъ я тогда на недѣлю изъ нашего родного города, и...

— Вернулся молодымъ священникомъ, — подхватили мы.

— Да, былъ рукоположенъ во священники. Такъ вотъ, ребятки, сталъ я на этотъ предуготованный мнѣ путь, и легко стало мнѣ на душѣ, Богъ есть любовь, и проявилъ Онъ ее на мнѣ. Что бы ни было, не сойду я съ этого пути, мучить будутъ — все перетерплю, всѣ муки приму...

О. Иванъ былъ взволнованъ своимъ долгимъ разсказомъ. Я и братъ впервые выслушали чудесную исторію старшаго брата, и поразились его вѣрѣ и жертвенности. Какъ все это не походило на то, что дѣлалось за стѣнами этого домика!

Ночевать мы не остались, рѣшили идти подъ покровомъ темноты. Прощались сердечно, тепло, со слезами. О. Иванъ сказалъ намъ: "Я вашъ первый молитвенникъ передъ Богомъ, моя молитва и молитвы матери поддержатъ васъ вездѣ и всюду, а когда придутъ другія времена, не будемъ хорониться другъ отъ друга, какъ теперь".

Много свѣтлаго, чистаго далъ намъ этотъ день, проведенный у брата. Я и братъ, несмотря на ухабы совѣтской жизни, закончили ученье, видимо угодна была Богу молитва о. Ивана и нашей матери. О. Ивана я видѣлъ еще разъ, когда былъ уже на третьемъ курсѣ. Потомъ его перевели въ другое село — поселокъ. Въ 1937 году, въ ежовщину, онъ былъ арестованъ и сосланъ неизвѣстно куда, безъ права переписки. Съ тѣхъ поръ мы потеряли нашего любимаго брата.

Петръ Святкинъ.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Божья гроза цвѣтущею весною*).

Образъ Царицы Небесной, спаси насъ!

Въ канунъ св. Благовѣщенія, во время всенощной, въ верхнюю церковь обители донесся шумъ голосовъ взрослыхъ и дѣтей. На автомобилѣ пріѣхало русское семейство Балевичъ, спасалось изъ ада бомбардировки Бѣлграда. Семья очень благочестивая, не разъ посѣщавшая нашу обитель. Отецъ, бывшій офицеръ, мать, старая бабушка, уже съ трудомъ ходящая, и пять человѣкъ дѣтей различнаго возраста. Семья бросила въ Бѣлградѣ квартиру со многими цѣнными вещами, нажитыми упорными трудами главою семейства г. Балевичемъ. Но онъ совершенно равнодушно относится къ своему, можетъ быть, уже пропавшему имуществу и спокойно говоритъ: «Мнѣ ничего не жаль: ни моего автомобиля, сейчасъ взятаго четникомъ, ни моей квартиры. Теперь государства разрушаются, намъ-ли жалѣть о состояніи. Богъ не оставитъ насъ. Былъ я на фронтѣ, въ дѣйствующей арміи, но такого ада не переживалъ. Бомбардеры съ головокружительной быстротой, какъ хищныя птицы, спускаются надъ зданіями и мгновенно разрушаютъ постройки. Ввысь аэропланъ поднимается уже автоматически, даже если летчикъ потеряетъ сознаніе, аэропланъ съ быстротою молніи взвивается вверхъ, чтобы самъ бомбардеръ не пострадалъ отъ бомбы брошенной имъ. Страшныя стаи устремляются съ высоты и мгновенно поднимаются, оставляя подъ собою гибель, разрушеніе, смерть».

Старшая дочь г. Балевича разсказываетъ сестрамъ послѣ бого-

*) Повѣствованіе относится къ 1941 году.

служенія: «Господь насъ вывелъ изъ ада, я не могу описать того ужаса, который сейчасъ переживаетъ Бѣлградъ. Божія милость къ намъ въ томъ, что мы сейчасъ у васъ. У меня въ ушахъ еще звучатъ страшные разрывы бомбъ, а какъ у васъ тихо. И цвѣты цвѣтутъ. Расцвѣтаютъ. Мнѣ такъ не хотѣлось умирать, когда кругомъ все такъ красиво, когда деревья цвѣтутъ. Да, мы сейчасъ пережили страшный сонъ. Вотъ сейчасъ только ѣхали пылающими улицами города, между стѣнами огня. На пути лежали убитые, никто ихъ не подбиралъ. Мы изнемогали отъ жажды, народъ бѣжалъ по улицамъ, скрываясь изъ ада бомбардировки, за городъ. Бѣжали, плакали дѣти, цѣпляясь рученками за матерей, падали отъ усталости старушки съ узелками, падали старички» — такъ взволнованно говорила миловидная дѣвушка лѣтъ восемнадцати.

«Во время бомбардировки», продолжала она, «я сидѣла возлѣ своего письменнаго стола. Потомъ мы спустились въ подвалъ при очень сильныхъ и близкихъ разрывахъ. Когда въ затишьи я поднялась къ себѣ — весь мой письменный столъ былъ засыпанъ осколками оконнаго стекла, лопнувшаго отъ близкаго взрыва. Останься я нѣсколько минутъ дольше — всѣ стекла вонзились бы въ меня. Я была только очень огорчена, что икона, которую я старательно писала и которая была на моемъ письменномъ столѣ, вся оказалась прорѣзана осколками стекла. Черезъ домъ отъ насъ женщинѣ во дворѣ при разрывѣ снаряда оторвало обѣ ноги. Мой маленькій братъ, семилѣтній Свѣтикъ, молился въ подвалѣ: «Образъ Царицы Небесной, спаси насъ!». Плакалъ Свѣтикъ и горячо молился и видно Царица Небесная за молитвы нашего Свѣтика вывела насъ изъ ада, привела къ Вашей чудотворной иконѣ Богородицы!».

«Во время перерыва бомбардировки мы взяли съ собой только самое необходимое и на нашемъ автомобилѣ поѣхали къ вамъ въ обитель. По Божіей милости попали изъ ада въ рай. И, Боже, какъ же у васъ хорошо, а вѣдь мы едва доѣхали. По дорогѣ къ Вамъ земунскимъ мостомъ, четникъ преградилъ намъ путь винтовкой и приказалъ немедленно отдать автомобиль на военныя нужды. «А я, — вмѣшалась въ разговоръ бабушка, — взмолилась: «Господи, смягчи его сердце» — и видно Господь услышалъ меня грѣшную. «Хорошо, я Васъ довезу до Пазова» — вдругъ смягчился четникъ. Въ Пазово приказалъ намъ высаживаться, а я опять всѣми силами души стала молить Бога, чтобы Онъ помогъ намъ доѣхать до монастыря. Четникъ согласился довести насъ до Румы. А тамъ опять та же исторія: «Высаживайтесь немедленно» — «Помоги, Господи» — опять взмолилась я, — «Помоги». И четникъ вдругъ преобразился и заговорилъ совсѣмъ ласково: «Хорошо, что попали на такого сговорчиваго человѣка, какъ я, вы доѣдете до Хопова». И такимъ образомъ, только съ Божіей помощью, мы оказались у васъ» — закончила бабушка.

Его душу понесли на небо Божіи ангелы.

Въ радостный праздникъ Благовѣщенія — скорбь на землѣ. Бѣлградъ бомбардируется. Изъ оконъ обители дѣтвора нашего монастырскаго пріюта замѣтила высоко летящую, громадную стаю аэроплановъ, стаю, несущую земнымъ гибель, смерть, разрушеніе — Божіимъ попущеніемъ.Зоркіе дѣтскіе глазки считаютъ губительную шумящую стаю. «Я насчитала сто». «Нѣтъ, а я гораздо больше, уже двѣсти» — «Это война, куда они летятъ?» Дѣтвора не сознаетъ, что почти у всѣхъ нихъ въ Бѣлградѣ отцы, матери, сестры, братья. Они не понимаютъ смертельной опасности, которой сейчасъ подвергаются ихъ родные.

Со стороны города Новаго Сада гремятъ противоавіаціонныя батареи. Въ солнечномъ ясномъ небѣ виднѣются черныя дымки разрывовъ. «Что тамъ такое трещитъ?» — «Что тамъ въ небѣ лопается?» — спрашиваютъ ребятишки. — «Смотрите, смотрите, какъ низко спустился одинъ аэропланъ!» — «А другой— за нимъ» — «Одинъ догоняетъ другого» — «Они такъ играютъ». Трахъ, трахъ — раздалась надъ обителью оглушительная трескотня пулеметовъ. Дѣти невольно отскочили отъ окна. «Горитъ, горитъ, горитъ аэропланъ!» — закричали ребята. — «Ай, ай, ай, — упадетъ на монастырь!». Объятый пламенемъ аэропланъ падаетъ внизъ. Дѣти въ страхѣ шарахаются въ спальную комнату, нѣкоторыя выскакиваютъ въ корридоръ. — «Упадетъ, упадетъ на насъ!» На глазахъ ребятъ происходитъ современная война. Аэропланъ падаетъ въ сосѣдній виноградникъ, разбивается на части съ горящимъ сербскимъ летчикомъ, сраженнымъ немецкимъ пилотомъ.

Къ дѣтямъ вскорѣ приходятъ сестры и разсказываютъ: «Лежитъ онъ, бѣдный, въ виноградникѣ обгорѣвшій весь. Прачка Тереза тушитъ его сердечнаго, бросаетъ на него землю. Жандармъ при насъ нашелъ въ его сумкѣ документъ несгорѣвшимъ. Онъ — капитанъ, чехъ, православный, на сербской службѣ, тридцати четырехъ лѣтъ. У него остались жена и трое дѣтей. — «Бѣдненькій» — тянутъ дѣти, жалѣющія всѣхъ. «Я его пойду возьму съ земли, его надо похоронить. Какъ онъ тамъ лежитъ одинъ на землѣ», — говоритъ Вѣрочка Павлоградская, отличающаяся необычайной сострадательностью. «Правда, Господь взялъ въ рай душу этого капитана?» — спрашиваетъ сестру Любочка Гединская. — «А какъ же, вѣдь онъ за близкихъ своихъ положилъ душу свою, конечно, онъ въ Божьемъ раю, его душу понесли на небо Ангелы Божіи». Дѣти, конечно, боятся разрывовъ снарядовъ, шарахаются отъ оконъ при близкихъ выстрѣлахъ, но когда все затихаетъ, говорятъ спокойно: «Вѣдь Господь всѣхъ насъ хранитъ, какія мы счастливыя, что мы всѣ вѣримъ въ Бога». — «Бѣдныя люди, которыя въ Него не вѣрятъ». Такъ говорятъ дѣти, умудренныя Богомъ. А послушница семнадцати лѣтъ,

бывшая воспитаница Хоповскаго пріюта на вопросъ: боится-ли она бомбъ — спокойно отвѣчаетъ: «Я боюсь только Одного Господа».

Наступаетъ тревожный вечеръ. Отъ впечатлѣній дня, отъ шума моторовъ аэроплановъ, летающихъ — этимъ смутнымъ безпокойнымъ вечеромъ, дѣти не могутъ заснуть. «Почитайте намъ вечернія молитвы всѣ, которыя монахини читаютъ на ночь» — просятъ изъ кроватокъ голоса старшихъ дѣвочекъ. — «Намъ не страшно, когда вы читаете вслухъ молитвы. Мы будемъ молиться за бѣднаго капитана, лежащаго въ виноградникѣ». И пораженныя скорбью дѣти молятся о летчикѣ, положившемъ на ихъ глазахъ свою молодую жизнь за ближнихъ, погибшемъ смертью храбрыхъ въ сіяющій день Благовѣщенія.

Нигдѣ нѣтъ такой густой мглы, какъ надъ монастыремъ.

Во вторникъ на шестой недѣлѣ Великаго поста въ обители появились сербскіе военные и устроили радіостанцію въ монастырѣ. «Но вѣдь у насъ здѣсь дѣтскій пріютъ, вы пожалѣли-бы дѣтей и поставили бы радіо станцію въ другомъ мѣстѣ» — осторожно говорятъ сестры сербскому офицеру. «Вѣдь вчера бомбардировали Крушедольскій монастырь, потому что тамъ остановилось нѣсколько аэроплановъ». — «Что же дѣлать, современная война и дѣтей не щадитъ. Пропали и мы и вы, если противники узнаютъ, что мы здѣсь. Что же намъ дѣлать!» — печально отвѣчаетъ офицеръ. Кромѣ того въ обители остановился штабъ арміи. А въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Иригѣ много нѣмцевъ, которые, конечно, дадутъ все это знать своимъ.

Во вторникъ пріѣхалъ штабъ и устроили радіо-станцію, а ночью загудѣлъ вѣтеръ и цвѣтущею весною поднялась снѣжная буря. Въ среду утромъ надъ монастыремъ висѣли тяжелыя свинцовыя тучи, всю обитель, словно пеленою заволокло густымъ непроницаемымъ туманомъ. Изъ темныхъ тучъ медленно падалъ густой снѣгъ. Бѣло-розовыя цвѣтущія яблони стояли подъ снѣжнымъ покровомъ. «Странно» — говорили солдаты, выходившіе изъ обители и вновь возвращавшіеся, — «снѣгъ падаетъ вездѣ и въ Иригѣ и въ Румѣ, но нигдѣ нѣтъ такой густой мглы, какъ надъ вашимъ монастыремъ».

Образъ Пречистой встаетъ въ воздухѣ.

Монастырь полонъ солдатами изъ Старой Сербіи, тяжелая скорбь угнетаетъ ихъ души. Это все больше почтенные люди среднихъ лѣтъ. «Хозяева», какъ называютъ ихъ сестры. Они степенны, вѣжливы. «Солдатики» приходятъ во время Богослуженія въ церковь и со слезами молятся. Каждый, по сербскому обычаю, поцѣловавъ свѣчу, ставитъ ее передъ иконою. Вся маленькая ярко озарена теплымъ золотымъ блескомъ свѣ-

чей. Особенно много свѣчей, по совѣту нашихъ сестеръ, солдатики ставятъ передъ нашимъ чудотворнымъ Образомъ Лѣснинскимъ Царицы Небесной. «Мы должны отдать за родину свою жизнь» — говорятъ эти Божьи люди, которыхъ, къ сожалѣнію, теперь мало осталось, т. к. большинство — невѣрующихъ. «Какъ мы можемъ съ пустыми руками воевать съ нѣмцами, выйдемъ мы отсюда на шоссе и насъ забросаютъ бомбами нѣмецкіе пилоты. Скоро, скоро всѣ мы будемъ въ землѣ», покорно и безропотно говорятъ эти Божьи люди. И близки нашимъ сердцамъ эти православные, бѣдные люди — эти немногіе сербы, понимающіе, что для нихъ сдѣлала Россія. Большинство сербовъ настроены вѣдь теперь крайне лѣво, и рабочіе, и учащаяся по городамъ молодежь. У насъ сейчасъ въ обители горсть честныхъ, добрыхъ, благодушно къ намъ настроенныхъ людей. «Большевики обѣщали намъ помогать, если мы откажемся отъ нашей вѣры и отъ нашего короля Петра, но не будетъ этого, мы лучше умремъ за нашу вѣру и за пітенца великаго Освободителя Короля Александра». Одинъ за другимъ ставятъ солдатики свѣчи передъ Лѣсненскимъ Образомъ Пречистой. Одинъ пожилой солдатъ благоговѣйно поставилъ свѣчу, потомъ вышелъ изъ церкви въ корридоръ и сталъ разсказывать сестрамъ: «Въ моемъ краю — въ Старой Сербіи — очень чтутъ вашъ Курскій Образъ Богородицы, вѣдь когда эта икона посѣтила нашъ край, на нашихъ глазахъ произошло чудо, записанное нашимъ духовенствомъ. Множество народа приходило на поклоненіе Курской иконѣ Пречистой. Пріѣхалъ на своемъ автомобилѣ одинъ состоятельный человѣкъ не поклониться, а просто полюбопытствовать. Увидя глубоко вѣрующую толпу народную, засмѣялся и сказалъ: «Вотъ глупый, темный народъ, — думаетъ, что простая доска и краска можетъ чудеса творить». Посмѣялся богачъ и поѣхалъ дальше на своемъ автомобилѣ. А дорога то шла горами, путь извилистый надъ пропастями. Богачъ, по волѣ Божіей, во-время не направилъ автомобиля на дорогу, и машина готова была уже вотъ-вотъ ринуться въ бездну. Вдругъ передъ этимъ невѣрующимъ человѣкомъ, которому грозила гибель, словно живой, всталъ въ воздухѣ Курскій Образъ Пречистой. Богачъ воскликнулъ: «Царица Небесная, спаси, спаси меня!» Автомобиль чудомъ задержался надъ бездною, богачъ далъ задній ходъ и вышелъ на безопасную дорогу. Бывшій невѣрующій повернулъ свою машину обратно къ селу, изъ котораго выѣхалъ, гдѣ была чудотворная икона Царицы Небесной. Онъ палъ ницъ передъ Образомъ, со многими слезами каялся въ своемъ невѣріи, поставилъ большую восковую свѣчу передъ Ликомъ Пречистой и сталъ всѣмъ разсказывать о чудѣ, съ нимъ происшедшемъ.

Пятница недѣли Ваій.

Нѣсколько разъ въ день слышатся въ обители трубные звуки тревоги на аэропланъ. Солдаты скрываются подъ сводами длинныхъ монастырскихъ корридоровъ. Надъ обителью густой туманъ, слышится отдаленный гулъ множества аэроплановъ, летящихъ невидимо надъ обителью, мгла скрываетъ ее. Одна инокиня (сестра Ольга Кендизъ) разсказываетъ свой сонъ: «Выхожу я будто на погостъ и смотрю на небо, надъ обителью облака, вдругъ въ облакахъ, словно на иконѣ, появляется рядъ святыхъ, ну, совсѣмъ какъ на образахъ написаны — множество святыхъ. Появляются и вдругъ пропадаютъ. Показывается и еще второй рядъ святыхъ, и передъ этимъ новымъ рядомъ, впереди всѣхъ стоитъ очень красивая дѣва, одежда ея похожа на ризы Царицы Небесной. Она простираетъ руки надъ обителью, словно ее защищаетъ. «Царица Небесная», думаю я со страхомъ, и вдругъ вижу: на груди этой дѣвы показываются золотыя буквы: «Святая преподобномученица Анастасія Римляныня» — и я мгновенно просыпаюсь». Часть мощей св. Анастасіи Римляныни находится въ нашей Хоповской обители.

Подъ зловѣщій шумъ желѣзной саранчи.

> «По виду своему саранча была подобна конямъ, приготовленнымъ на войну, и на головахъ у нея какъ бы вѣнцы, лица же ея, какъ лица человѣческія. На ней были брони, какъ бы брони желѣзныя, а шумъ отъ крыльевъ ея, какъ стукъ отъ колесницъ, когда множество коней бѣжитъ на войну».
> (Апокалипсисъ IX, 7-9).

Въ дѣтскомъ пріютѣ ребятки веселы и спокойны. Десятилѣтняя Лиля Бѣлова стоитъ со старымъ конвертомъ, на которомъ написано: «Берлин, Дейчланд». Лиля говоритъ мнѣ: «Мать Варварочка, мать Ѳеодора разбирала свои письма и дала мнѣ этотъ конвертъ, а я вѣдь знаю, что въ Берлинѣ живетъ господинъ Гитлеръ. Я напишу ему и вложу въ этотъ конвертъ, а вы, пожалуйста, отдайте его на почту. Я васъ очень прошу, я напишу: «Дорогой господинъ Гитлеръ, пожалуйста, попросите вашихъ пилотовъ, чтобы они не бросали бомбъ на монастырь Хопово», и я подпишу: «Дѣти обители Хопово».

Приходитъ въ пріютъ сестра и разсказываетъ: «Шестнадцатилѣтній нѣмецкій летчикъ принужденъ былъ спуститься на лужайку — у него моторъ испортился, а на лужайкѣ той сербскіе пастухи стадо пасли, ужъ и начали они бить жестоко, такъ бить мальчишку, а онъ имъ папироски досталъ изъ кармана, сталъ

словно дитя, ихъ угощать». «Бѣдненькій мальчикъ нѣмецкій, зачѣмъ гадкіе пастухи его били» — тянутъ жалостливо дѣти, для которыхъ и сербы и нѣмцы — только дѣти Единаго Небеснаго Отца.

Дѣтвора обительская, не понимая серьезности положенія, проситъ имъ почитать «Интересные разсказы про святыхъ и звѣрей» изъ Луга Духовнаго. «Прочитайте намъ о собачкѣ, которая, какъ хорошій послушникъ, исполняла всѣ приказанія святого аввы» — проситъ звонкій дѣтскій голосъ. «Прочитайте о тигрѣ и львѣ!» «О ювелирѣ!» «Да, о ювелирѣ, такъ интересно!» Дѣти съ живымъ интересомъ слушаютъ прекрасныя повѣствованія 6-го вѣка монаха Іоанна Мосха, сіяющія правдой Божіей, вносящія тишину пустыни, изливающія благоуханіе рая въ то самое время, когда въ воздухѣ царитъ зловѣщая, губительная саранча желѣзная, когда проливается на землю чаша гнѣва Божія, когда люди живутъ во времена, предвозвѣщенныя въ Откровеніи св. Евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ.

Адъ на землѣ — благоуханный миръ въ дѣтскихъ душахъ — спокойствіе неба въ чистыхъ сердцахъ. Дѣтки идутъ въ верхнюю церковь пѣть «Да исправится молитва моя». За окнами, подъ густымъ пушистымъ снѣгомъ, цвѣтетъ весна, вешніе цвѣты склоняются подъ бѣлымъ покровомъ. Надъ монастыремъ спасительная мгла. Солдаты, обреченные на смерть, слушаютъ нѣжное дѣтское пѣніе и роняютъ слезы, можетъ быть, послѣднія слезы. Въ пятницу послѣ обѣда всѣ части спѣшно покидаютъ обитель. Солдаты идутъ въ послѣдній разъ поклониться чудотворному Образу Царицы Небесной, и уходятъ на вѣрную смерть. Всю ночь слышатся отдаленные разрывы снарядовъ.

Въ субботу утромъ туманъ надъ обителью разсѣялся безслѣдно. Ярко сіяетъ Божье солнце, снѣгъ быстро таетъ, открывая неповрежденные вешніе цвѣты деревьевъ. Сіяетъ Божье солнце, освѣщая скорбную землю — печальный міръ, идущій къ своему роковому, неизбѣжному концу.

И воскреслъ еси яко Побѣдитель!

Благословенный второй день Господней Пасхи. Дѣти въ лѣтнемъ высокомъ храмѣ радостно поютъ передъ литургіей пасхальные часы. Поютъ въ священномъ покоѣ, въ безмятежной радости Господней Пасхи, въ радости немеркнущей, которую не затемнитъ никакая скорбь земная.

«И воскреслъ еси яко Побѣдитель» — торжественно, могуче, свѣтло возглашаютъ Божьи прекрасныя дѣти. Въ открытую дверь храма теплыми потоками вливаются лучи пасхальнаго солнца, входятъ волны вешняго вѣтра. Праздничныя дѣти послѣ бури,

ворвавшейся въ тихую обитель, безмятежно вмѣстѣ съ Божіимъ міромъ, вешнимъ міромъ, съ землею цвѣтущею — славословятъ Первенца изъ мертвыхъ, воспѣваютъ Побѣдителя смерти. Ихъ чистыхъ душъ не касается скорбь міра сего, ихъ души находятся внѣ міра сего. Они безсознательно, по дару Божьему ощущаютъ чистыми сердцами Пасху вѣчную, міръ будущій, нетлѣнную радость грядущаго вѣка. Любовь ко Господу горитъ въ ихъ маленькихъ душахъ, любовію озарено ихъ звонкое пѣніе. Ихъ сердца открыты для всего Божьяго міра. Они благовѣствуютъ тлѣнному міру о нетлѣнной, вѣчной, немеркнущей, вѣчной радости Господней Пасхи.

Чудеса Божіи.

Черезъ четыре дня послѣ бомбардировки Бѣлграда пришелъ къ намъ въ обитель сербскій офицеръ, добрался частью пѣшкомъ, частью по желѣзной дорогѣ. «Лучше быть на фронтѣ, чѣмъ переживать современную бомбардировку города. Особенно меня потрясаютъ трупы дѣтей, лежащіе сейчасъ на улицахъ, еще не прибранные. На моихъ глазахъ произошло чудо. Надо вамъ сказать, что моя мать и сестра очень набожны, во время бомбардировки онѣ горячо молились Богу. Кругомъ нашего домика рушились дома, подъ развалинами гибли люди. Вдругъ громадная бомба падаетъ возлѣ нашего домика и... не разрывается, — я глубоко вѣрю, это по горячей молитвѣ моихъ родныхъ».

Въ воскресенье въ сербской Вознесенской церкви шла литургія. Кругомъ стали рваться снаряды. Трое священнослужителей вышли изъ храма и скрылись въ убѣжище. Черезъ нѣсколько мгновеній туда попалъ снарядъ и умертвилъ 30 человѣкъ, среди которыхъ были и трое священнослужителей, и завалилъ убѣжище. Церковь же оказалась невредимой, всѣ оставшіеся въ ней были спасены.

Въ русскихъ церквахъ во время бомбардировки неопустительно шли службы. Русскіе священники безстрашно служили подъ обстрѣломъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ ни убитъ, ни раненъ. Никто изъ прихожанъ, приходившихъ въ церковь во время бомбардировки, не пострадалъ. Церкви были полны молящимися.

Особенно много было народа, какъ никогда, во время Пасхальной Заутрени, которая служилась въ 5 съ половиной часовъ утра, т. к. ночью не разрѣшалось ходить по улицамъ. Сказалось недавно пережитое — невыразимо страшное, даже тѣ люди, которые до бомбардировки не посѣщали церкви, стремились теперь въ храмы Божьи.

***

На Свѣтлой недѣлѣ къ намъ пріѣхала бывшая послушница Лѣснинскаго монастыря Софія Овсяная, она служитъ у дочери покойнаго отца Алексѣя, который былъ духовникомъ нашей обители. Живетъ она въ Словенскомъ Бродѣ. Сестра Софія разсказываетъ: «Домикъ нашъ четвертый отъ вокзала, сильно бомбардируемаго. Моя хозяйка Леночка перебралась въ другой конецъ города: тамъ относительно безопасно было. А я крѣпко положилась на волю Божію и осталась жить въ нашемъ домикѣ. Я кое что готовила и относила кушанье моей хозяйкѣ. Разъ, когда бомбардировка затихла, я съ провизіей пошла къ моей хозяйкѣ. Мнѣ надо было по дорогѣ пройти черезъ вокзалъ. Я взялась за ручку входной двери вокзала, и вдругъ огромная чугунная рѣшетка со стеклами, подорванная бомбами, рушится со страшнымъ грохотомъ къ моимъ ногамъ, меня не задѣвая. И говорить не надо, что я все время призывала на помощь Господа, и когда оставалась одна въ домикѣ подъ угрозою смерти, и когда носила провизію моей хозяйкѣ. Вѣдь близокъ Господь къ призывающимъ Его. Пощадилъ Онъ меня, грѣшную».

Мнѣ жаль моихъ вещей.

Старшая дочь знакомаго намъ семейства Зора Балевичъ разсказала мнѣ, что у нихъ въ Бѣлградѣ было знакомое семейство Краммеръ. Отцу этой семьи было 36 лѣтъ, матери 30. У нихъ былъ славный сынокъ пяти лѣтъ — Петя. Мальчугана очень любилъ дядя его матери. Петя очень дружилъ со своимъ любимымъ «дѣдусею». Послѣ страшныхъ, зловѣщихъ звуковъ сирены отецъ говоритъ своей женѣ: «Бросимъ квартиру, уйдемъ за городъ къ матери: вѣдь она живетъ возлѣ нѣмецкаго кладбища въ маленькомъ домикѣ, ни въ кладбище свое, ни въ маленькіе загородные домики нѣмцы, конечно, бомбъ бросать не будутъ, а у насъ здѣсь центръ, кругомъ большія государственныя зданія. Умоляю тебя — уйдемъ отсюда».

«А какъ же мы оставимъ наши вещи, нажитыя тобою съ большимъ трудомъ? Мнѣ жаль моихъ вещей, я не уйду изъ квартиры». Отецъ пытался много разъ убѣдить свою жену скрыться за городъ, но безрезультатно, она настояла на своемъ. Ея дядя, Петинъ дѣдушка, присутствовалъ при этомъ разговорѣ своей племянницы съ ея мужемъ. Начался адъ бомбардировки. Семья Краммеръ спустилась въ подвалъ. Дѣдушка по какому то тайному предчувствію сѣлъ поодаль отъ всѣхъ — забился въ уголъ подвала. Онъ только часто перекликался съ Петей. «Петя, ты здѣсь?» — спрашивалъ въ потемкахъ дѣдушка. «Я здѣсь, дѣдуся», — раздавался звонкій, дѣтскій, безконечно дорогой для дѣ-

душки голосокъ. Дѣтскій голосокъ среди ада бомбардировки. Кругомъ рушатся постройки, и бомба попадаетъ въ домъ, въ подвалъ, гдѣ скрывалось семейство Краммеръ. Дѣдушка былъ сначала ошеломленъ отъ близкаго взрыва. Едва оправившись отъ потрясенія, онъ зоветъ: «Петя, мой Петя, здѣсь ли ты?» Въ отвѣтъ — молчаніе. Дѣдушка дрожащими руками нащупываетъ въ карманѣ свой электрическій фонарикъ. Зажигаетъ его. Онъ съ трудомъ добирается до того мѣста, гдѣ сидѣли его родные. Онъ находитъ трупъ его дорогого Пети — дѣтское тѣльце, обезображенное бомбой. Рядомъ лежатъ его племянница и ея мужъ, сраженные на смерть страшнымъ, губительнымъ снарядомъ.

Ударяется объ асфальтъ и не разрывается.

Племянники матери Ѳеодоры живутъ въ Бѣлградѣ, въ самомъ центрѣ, вокругъ — цѣлый рядъ министерствъ, безпощадно бомбардируемыхъ. Ихъ небольшой, довольно ветхій домикъ въ буквальномъ смыслѣ слова качался при взрывахъ. Ея племянники, молодые богословы, спустились въ подвалъ во время бомбардировки. Бомба очень большого калибра падаетъ рядомъ съ подваломъ, ударяется объ асфальтъ и, не разорвавшись, зарывается въ него. Замѣтьте — соприкасается съ твердымъ асфальтомъ и не разрывается. Развѣ это не чудо Божіе? И эта милость Господня окончательно укрѣпила ихъ желаніе принять постригъ.

Господи, сдѣлай такъ, чтобы меня откопали.

Зора Балевичъ мнѣ разсказала о своей подругѣ Иннѣ Богорадовой. Послѣдняя тридцать пять часовъ пролежала подъ обрушившимся домомъ. Инна во время бомбардировки была вмѣстѣ со своими родителями въ квартирѣ. Бомба попадаетъ въ ихъ домъ, рушитъ ту комнату, гдѣ молодая дѣвушка находилась со своими отцомъ и матерью. Инна получаетъ очень серьезныя поврежденія головы, легкихъ, рукъ, ногъ, но все же остается живой. Она лежитъ, заваленная мусоромъ. Особенно нестерпимо болятъ засыпанные мусоромъ глаза. Открыть ихъ не можетъ. Заживо погребенная дѣвушка молится: «Господи, сдѣлай такъ, чтобы меня откопали. Я такъ хочу жить». И Господь внялъ мольбѣ несчастной. Черезъ тридцать пять часовъ слышитъ Инна звуки кирки. Она напрагла всѣ свои изнемогшія силы и стала кричать. Инну отрыли, перевязали, промыли глаза, засыпанные щебнемъ. Она благодарила Бога, внявшаго ея мольбѣ. Отца Инны отрыли умершимъ, а тѣло матери совсѣмъ не нашли. Теперь круглая сирота находится въ госпиталѣ. Господинъ Балевичъ навѣщалъ раненую, отвезъ ей разныя лакомства, утѣшилъ, какъ могъ, бѣдную дѣвушку — вѣдь самыхъ близкихъ, самыхъ дорогихъ

на свѣтѣ у нея уже нѣтъ. На-дняхъ Иннѣ сдѣлаютъ трепанацію черепа.

Не имамы иныя помощи.

Въ концѣ третьей недѣли св. Пятидесятницы сидѣла я съ дѣтьми нашего монастырскаго пріюта на цвѣтущей лужайкѣ. Читала имъ ихъ любимыя житія святыхъ.

«Муся пріѣхала!» — закричали дѣти, и къ намъ радостно подбѣжала бывшая воспитанница нашего пріюта, тринадцатилѣтняя Муся Махина; дѣти принялись душить въ своихъ объятіяхъ запыхавшуюся розовую Мусю. На шеѣ у нея повисла ея младшая сестренка Вѣрочка. Освободившись отъ дѣтей, Муся подсѣла ко мнѣ. Дѣти столпились вокругъ насъ. Муся, обнимая свою сестренку, повѣдала намъ всѣмъ, какъ Царица Небесная спасла ее отъ смерти во время бомбардировки.

«Живемъ мы въ Бѣлградѣ на Катаничевой ул. номеръ 9, вѣрнѣе, жили, т. к. на мѣстѣ нашего дома сейчасъ остались однѣ развалины. Въ день бомбардировки Бѣлграда я проснулась около 7 часовъ утра отъ звука сирены. Вдругъ весь воздухъ сталъ трещать. Стекла въ нашемъ домѣ всѣ полопались, двери отпали. Рядомъ, напротивъ насъ, бомбой разрушило домъ. Я убѣжала въ подвалъ, а папа сначала не хотѣлъ, но потомъ и онъ спустился ко мнѣ, т. к. его чуть не задавило вырванной дверью. Я взяла съ собой въ подвалъ самое для меня драгоцѣнное — икону Царицы Небесной «Богородице Дѣво» и «Покровъ Царицы Небесной надъ Аѳономъ». Тамъ Матерь Божія въ синей мантіи простираетъ омофоръ надъ Аѳономъ. Послѣднюю икону мнѣ недавно подарилъ одинъ монахъ. Мы взяли съ собою нѣсколько стульевъ. Съ нами вмѣстѣ спустился и атаманъ Кутыринъ съ женой. Онъ инвалидъ великой войны — безъ ноги, и старая нѣмка также спустилась съ нами, эта бабушка взяла съ собою и свою любимую собачку, да еще и кухарка Кутыриныхъ, словенка Иванка, была съ нами. Весь подвалъ колебался, кирпичи валились, Въ подвалѣ стояли рамы отъ оконъ, стекла въ нихъ полопались и вылетѣли. Когда мы были въ подвалѣ, домъ визави съ нами рухнулъ со страшнымъ грохотомъ. Три часа продолжался такой адъ, никто ничего не ѣлъ. Да было и не до ѣды — удушающе пахло газами. Когда кончилась бомбардировка, папа пошелъ купить апельсиновъ — вѣдь мы изнемогали отъ жажды, воды не было, т. к. бомбы разбили водопроводъ. По улицамъ люди бѣжали въ рубашкахъ, пижамахъ. Отъ разрывовъ, пожаровъ, стояла страшная жара. Люди стремились за городъ, въ села. Во время передышки пришла сербская сестра милосердія и помогла выбраться одной дамѣ, сербкѣ, которая жила въ одномъ домѣ съ нами. Эта сестра милосердія сказала, что до пяти часовъ, воз-

можно, больше не будетъ бомбардировки, и въ этотъ промежутокъ будутъ выдавать оружіе для защиты отъ грабителей, появившихся въ городѣ въ громадномъ количествѣ. Но мы прождали до пяти часовъ, и оружія намъ никто никакого не выдалъ. А въ пять часовъ снова начали гудѣть сирены, и начался опять адъ бомбардировки. Мы всѣ въ подвалѣ молились горячо Богу. Вдругъ раздался страшный свистъ, и папа сказалъ: «Кончено, сейчасъ упадетъ на нашъ домъ». У меня закружилась голова и сейчасъ же у меня мелькнула мысль, что я въ институтѣ говорила, что хотѣла бы умереть на Благовѣщеніе, сейчасъ я умру. Только подъ Благовѣщеніе мнѣ совершенно не было страшно. Я только думала о своей мамѣ, о братцѣ Васенькѣ и о Вѣрочкѣ, мнѣ было ихъ жаль, что они будутъ плакать о папѣ и обо мнѣ. И вдругъ упала зажигательная бомба, окружила насъ пламенемъ. Мы всѣ упали, и насъ завалило кирпичами и щебнемъ. Всѣ потеряли сознаніе. Когда я очнулась, то думала, что я умерла, и не хотѣла вставать, т. к. думала, что всѣ вѣдь мы убиты. И вдругъ слышу голосъ папы: «Муся, ты жива?» А я лежу и все продолжаю молиться Царицѣ Небесной, какъ и молилась во все время бомбардировки. «Не имамы иныя помощи», и «Милосердія двери», и прижимала я все къ себѣ икону «Покровъ надъ Аѳономъ». Папа вытащилъ меня изъ подъ кирпичей и вывелъ въ другой подвалъ. Я же, надышавшись газа, едва дышала, и грудь у меня очень сильно болѣла. Какъ мнѣ послѣ объяснилъ папа: бомба упала въ прачешную, вырвала дверь подвала, гдѣ мы сидѣли, обдала насъ газомъ, окружила пламенемъ, но пожара не было, домъ былъ старый, сдѣланный изъ земли и кирпичей. Обрушившаяся земля и песокъ мгновенно потушили пожаръ. Мы всѣ были какъ негры — черные, закопченые. Глаза, носъ, уши были забиты пескомъ. Атаманъ Кутыринъ былъ раненъ въ голову, у его жены были щепками ранены ноги, а у бѣдной бабушки нѣмки вся кожа была снята съ головы вмѣстѣ съ волосами, и она очень страдала. Вѣдь это папа ихъ всѣхъ откопалъ. Онъ разбилъ въ подвалѣ окно и вытащилъ меня, вылѣзъ самъ и вытащилъ кухарку Иванку. Кутырины были полные, и ихъ нельзя было сразу вытащить черезъ окно. Папа насъ вывелъ въ разсадникъ Свято-Савской церкви, т. к. тамъ бомбы падали въ мягкую землю и зарывались. Папа насъ посадилъ въ разсадникѣ, а самъ пошелъ выручать Кутыриныхъ и бабушку нѣмку. Но имъ уже помогли выбраться изъ подвала прохожіе.

Папа встрѣтилъ на улицѣ своего знакомаго Бориса Ганусовскаго. Онъ ѣхалъ на автомобилѣ со своей молодой женой нѣмкой Эдикой, остановилъ машину и обѣщалъ папѣ въ очень скоромъ времени насъ отвезти за городъ, на Мокрый Лугъ. Бабушка

нѣмка такъ сильно страдала отъ раненія, что ее пришлось отвезти въ госпиталь. Поправившись тамъ, она уѣхала въ Панчево къ своимъ роднымъ. И такъ мы всѣ ждали Ганусовскаго въ разсадникѣ, ждали съ большимъ нетерпѣніемъ. Наконецъ то подъѣхалъ его автомобиль, нагруженный бѣженцами изъ Бѣлграда. Ганусовскіе помогали, какъ могли, несчастнымъ людямъ. И онъ и его жена неутомимо вывозили за городъ, кого только могли помѣстить на автомобиль. Кутырины и я сѣли съ трудомъ въ автомобиль, а папа съ Иванкою ѣхали на подножкѣ машины. Трудно было выѣхать на Мокрый Лугъ, вокругъ насъ горѣли дома, стекла, обломки кирпичей лежали на пути. Гудѣли уже сирены... Вотъ, вотъ начнется бомбардировка. Было около семи часовъ вечера, когда мы пріѣхали на поляну, что за Мокрымъ Лугомъ. Тамъ было нѣсколько домишекъ, и дальше ѣхать было нельзя — путь преграждался проволочными загражденіями. Ганусовскій показалъ намъ домикъ, который былъ нанятъ его знакомой Лидочкой Н. Мы устроились подъ навѣсомъ домика на дровахъ: тамъ устроили себѣ ночлегъ. Ганусовскіе были такъ добры, что для Кутыриныхъ привезли тюфяки, и бѣдные старые люди могли проспать съ небольшимъ удобствомъ. Хозяйка дома, сербка, на Благовѣщеніе выгнала насъ изъ подъ навѣса прямо на дождь и снѣгъ, которые падали вмѣстѣ. Мы поплелись къ какому то дырявому шалашу, хотѣли зайти подъ прикрытіе. Въ это время опять на машинѣ къ намъ подъѣхалъ Борисъ съ Эдикою. Рядомъ съ шалашомъ былъ домикъ. Изъ него вдругъ выбѣжали хозяинъ и хозяйка и стали кричать: «Эй, вы, пятая колонна нѣмцевъ, вонъ отсюда, иначе мы васъ разстрѣляемъ». Ганусовскій спокойно имъ отвѣтилъ: «Да, мы русскіе, но мы вывозимъ изъ Бѣлграда одинаково и русскихъ и сербовъ». И папа сталъ имъ говорить, что добрые Ганусовскіе спасаютъ всѣхъ несчастныхъ одинаково. Сербы замолчали и ушли въ свой домикъ. Надвигался вечеръ, мы легли на доскахъ въ шалашѣ, насъ мочилъ дождь. Зенитки стрѣляли по аэропланамъ, и гранаты рвались въ воздухѣ, обдавая насъ осколками. Мы каждую секунду ждали смерти. Къ нашему счастью Кутыринъ утромъ вдругъ вспомнилъ, что у него на Мокромъ Лугѣ живетъ знакомый калмыкъ, у него есть лошади для перевозки. Онъ сейчасъ же написалъ этому калмыку письмо, и черезъ одного человѣка передалъ ему свою просьбу помочь всѣмъ намъ, вывезти насъ дальше съ Мокраго Луга въ Земунъ.

Добрый калмыкъ очень скоро явился со своимъ сыномъ на телѣгѣ. Онъ всѣхъ насъ отвезъ къ себѣ — въ теплый, уютный домикъ. Они насъ пріютили ласково, угостили чудными лепешками, чаемъ съ вишневымъ вареньемъ. Мы немного передохнули

у этихъ милыхъ, гостепріимныхъ людей, а вечеромъ калмыкъ насъ отвезъ всѣхъ въ Земунъ. Какое было счастье — очутиться внѣ обстрѣла. По дорогѣ насъ много разъ останавливали жандармы, грозили сбросить съ телѣги, но узнавши, что мы всѣ контужены, а нѣкоторые, какъ Кутыринъ и его жена, легко ранены, пропускали безпрепятственно дальше. Кутыринъ каждый разъ показывалъ свою кровавую повязку на головѣ.

Вотъ, наконецъ, и тихій Земунъ. Мы пріѣхали туда часамъ къ десяти вечера. Насъ пріютила у себя радушная семья Сазонкиныхъ, дай Богъ имъ всего хорошаго. Я не забуду никогда въ жизни этихъ милыхъ людей, Николая Семеныча и его жены Нины Игнатьевны. Они насъ и поили, и кормили, и согрѣвали. Въ Земунѣ меня осмотрѣлъ докторъ, т. к. очень мнѣ было больно дышать, я отравилась газомъ. Докторъ мнѣ сказалъ, что я должна пожить нѣкоторое время на чистомъ, деревенскомъ воздухѣ. Вотъ папа меня и отправилъ къ моей тетѣ въ Иринъ и къ дядѣ моему о. Виктору Квачадзе. Пріѣхавши въ Иринъ, я не удержалась, чтобы не понестись сейчасъ же въ мой любимый Хоповскій монастырь. И какъ же у васъ здѣсь хорошо и дышать легко! Воздухъ то какой чудесный, вотъ только уши у меня до сихъ поръ пескомъ забиты, мнѣ надо дѣлать операцію, такъ докторъ сказалъ».

Дѣти съ замираніемъ сердца, затаивъ дыханіе, слушали Мусенькинъ потрясающій разсказъ. Даже малыши, глядя на старшихъ, вели себя очень скромно и тихо. «Люблю я Хопово». — продолжала Муся, «хорошо мнѣ здѣсь было. До сихъ поръ помню, какъ я здѣсь видѣла двухъ Ангеловъ». «Какъ?» — удивились дѣти. «Разскажи намъ!»

«Ну да, когда мнѣ было восемь лѣтъ, я вотъ здѣсь, на этой лужайкѣ жаркимъ лѣтнимъ днемъ сидѣла и вышивала на солнцѣ съ открытой головой, безъ шляпы. И вдругъ въ глазахъ у меня потемнѣло, и я потеряла сознаніе. Меня, какъ мнѣ послѣ разсказывали сестры, понесли сначала въ нашу спальную комнату, приводили меня въ чувство, и ничего не могли со мною сдѣлать — въ себя я не приходила. Тогда меня понесли наверхъ, въ больницу, къ матери Поликсеніи, и там-то я видѣла Ангеловъ. Сначала возлѣ окна я увидѣла смерть и испугалась — она была страшная, скелетъ такой ужасный, — и вдругъ, между смертью и мною показались два Ангела. О, какіе они были красивые! Волосы у нихъ спускались по плечамъ сіяющею волною, и лица ихъ сіяли. Крестъ на крестъ на груди они были препоясаны золотыми поясами. Они строго сказали смерти: она не твоя, она наша — и отстранили ее и я сразу же пришла въ сознаніе. Смотрю, я въ больницѣ, присѣла на кровати. Вы сидѣли сначала и писа-

ли, какъ я послѣ узнала отъ васъ, мать Варварочка, житіе св. мученика Василиска, племянника нашего св. великомученика Ѳеодора Тирона (его мощи находились въ Хоповской обители). Вы подошли ко мнѣ, и я вамъ сейчасъ же разсказала, что меня хотѣла взять смерть, но ангелы отстранили ее».

«Мусенька, ты святая, ты видѣла Ангеловъ» — тянетъ дѣтскій голосокъ. «Какая ты счастливая!» «И я хотѣла бы ихъ повидать». «Не можешь, мы очень грѣшныя» — раздаются милые, дѣтскіе голоса.

И я вспоминаю, какъ Мусенька, послѣ своего видѣнія, долгое время была очень задумчивой и серьезной и подолгу часто молилась Богу.

М. В.

МОЛИТВОСЛОВЪ

краткій церковно-славянскимъ шрифтомъ, въ двѣ краски, въ которомъ помѣщены слѣдующія молитвословія:

Молитвы утреннія (сокращ.). Помянникъ. Молитвы въ продолженіи дня. Молитвы вечернія (сокращ.). Избранныя пѣснопѣнія вечерни. Общая молитва часовъ, повечерія и полунощницы. Пѣснопѣнія утрени. Изъ Божественной Литургіи. Изъ воскресныхъ службъ восьми гласовъ. Тропари особыхъ празднествъ и святыхъ. Изъ тріоди постныя. Изъ тріоди цвѣтныя. Канонъ покаянный ко Господу Іисусу Христу. Канонъ молебный ко Пресвятѣй Богородицѣ. Канонъ Ангелу Хранителю. Акаѳистъ Господу нашему Іисусу Христу. Акаѳистъ Пресвятѣй Богородицѣ. Послѣдованіе ко св. Причащенію. Заповѣди Божіи. Какъ должно молиться въ церкви. Правила о поклонахъ и крестномъ знаменіи. Чинъ келейнаго чтенія каноновъ и акаѳистовъ. Правило преп. Серафима Саровскаго для мірянъ.

Молитвословъ карманнаго формата, 230 стр., въ хорошемъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Цѣна 2.50 долл. Безъ переплета — 1 долл. 50 сентовъ.